

ОБОЛОЧКА
ДУШИ

Михаил Пахарев

Оболочка души

«Автор»

2026

Пахарев М.

Оболочка души / М. Пахарев — «Автор», 2026

Либрус - один из многих чистых душ, живущих в Викисиме, небесной системе. Его жизнь мало чем отличается от других. Но обычное детское любопытство втягивает его и друга в конфликт, начавшийся задолго до их прибытия в Викисиму. Пытаясь сохранить тех, кто стал ему дорог, Либрус сталкивается с потерями, которые невозможно исправить, и выборами, цена которых оказывается куда выше, чем он мог представить. «Оболочка души» — фэнтези-драма о взрослении, привязанности и мире, который меняется быстрее, чем его можно удержать.

© Пахарев М., 2026

© Автор, 2026

Михаил Пахарев

Оболочка души

ПРОЛОГ

Тихо во тьме разговаривали голоса. Они не кричали. Бессмысленно кричать, когда ничего не меняется. Когда не остаётся ничего, кроме тишины.

— Но ведь она говорила, что может... Она не могла соврать. В чём тогда смысл?

— Она не могла... Но может, он врёт?

— Знаешь, звучит очень правдоподобно. Если она тогда очистила одного из нас... Но это было давно. Она не могла просто исчезнуть.

— Ты помнишь, чего ей это стоило? Её уже давно не было. Она даже не предупреждала... Ничего не говорила, что... уйдёт. Она не могла просто отказаться от нас.

— Он сказал, ей пришлось переключиться на другие, более важные задачи. Может, она скоро вернётся...

— Но сколько её уже нет? Даже если у неё были другие дела, она в состоянии прийти. Просто прийти и сказать.

— Он сказал, что это слишком затратно, — перебил другой голос. — Вся Викисима может попасть под удар. К тому же мы можем пострадать.

— Мы? Он не подумал, что мы и так страдаем? Куда ещё хуже? Нас здесь держат уже не пойми сколько, и по итогу... Приходят и говорят, что не смогут очистить? А что со всеми её результатами? Это не может быть мусором. Что дальше? Они просто нас собираются здесь держать? Почему он не ответил?

— Он звучал слишком знакомо...

— Может, им рассказать, как она отчищала Езуриана? Но где он сейчас?

— Странно...

— Ради нашей безопасности и Викисимы? Если аура создателей ослабла... Что они собираются с этим сделать? Сколько ещё ждать?

— Вы сами видели, как она последний раз с нами разговаривала. Мы и для неё были не больше, чем эксперимент.

— Давай-ка поаккуратней говори. Она нас пыталась спасти. Она... Делала всё, что было в силах.

— То есть ты считаешь... что несколько пренебрежительных разговоров, какая-то спешка, и потом не появляться чёрт знает сколько времени — это попытка спасти? Нет, правда, сколько дней прошло? Даже не десять, не пятьдесят. Я считал, знаешь ли, чтобы не сойти с ума с вами: считать дни, пальцы, овец, да что угодно — очень помогает. Пока ты тут распевала песенки... Перебирать, делить, умножать... Её не было уже больше полугода.

Пока шёл активный спор, среди них молчал лишь один. Тот, в ком гнев кипел больше всего и ощущался как не свой — до этого момента.

В его голове эти разговоры отдавались криками. Каждая фраза резала будто затуплённым ножом. Вспоминая предыдущий разговор, он не мог отделаться от мысли, что становится всё хуже. Или уже стало...

Его гнев кипел, но уже начинал греть. Его мысли шли, но ярость не выходила. Она давно стала фоном, но сейчас она была как никогда родной. Но он сидел, укутав голову ладонями. В голове напряжение нарастало. Челюсть напрягалась.

Остались лишь они в темноте и тишине. Остались лишь обрывки памяти, которые он прокручивал несчётное количество времени, пытаясь выяснить причину. Пытаясь не терять надежду. Пытаясь связать варианты из прошлого с тем, что им сказали некоторое время назад.

Его сущность уже не играла большой роли в том, что им рассказали. Она уже не имела значения для них. Для него она будет сохранять смысл — терпеть это всё. Чтобы потом они терпели его.

Но он пришёл к выводу. Вывод сначала застыл в сознании и затем начал пробираться глубже. Рушил всё, что было до этого. Обесценивая, дробил прошлое и будущее. В голове всё складывалось, но это его ломало. Словно взрыв разогнал эмоции, и взгляд прояснился.

В тихий спор он прорычал лишь несколько слов.

— Это не очищение. Не изоляция. Это отстойник.

Все замолчали.

— Ты хочешь сказать... Мы здесь... — вздрогнул голос. Отчаянный вздох повис в молчании.

Он не стал объяснять. Не хотел больше говорить. Он не хотел больше слушать. Лишь звенящая тишина, в которой всё стало ясно. Она уже не успокаивала. Но лишь она была приятна в этой тесной капсуле. В этом осознании.

Никто не вернётся. Никто больше не придёт.

1 Глава

«Здесь налево... Тут направо, надо бежать прямо, иначе... конец. Кантор опять просчитался», — думал запыхавшийся мальчик, петляя по переулкам города.

Бегать и так дело не из лёгких, но сложности ему добавляет преследование. По ощущениям, прошло много времени с того момента, как он сбежал, но оторваться от преследователя он всё никак не мог. Мальчик не видит его, но чувствует, что находится он где-то рядом, и, если остановится, его поймают.

Поначалу всё шло по плану, но план сорвался, когда ему начали наступать на пятки. Пробегая мимо беломраморных зданий, а затем забежав в очередной переулок, мальчик спрятался за угол. Теперь стало очевиднее всего: план сорвался, и надо что-то быстро придумывать.

Жара ещё действовала на нервы. Сердце колотится. Взгляд лихорадочно смотрит на угол, из которого он выбежал. Но никого не было.

Неравномерно проглатывая душноватый воздух, он опустил голову и увидел перед собой круглую крышку люка. «Отлично», — с облегчением подумал он.

Тяжело пытаясь, он поднял крышку и забрался. Опуская, чуть не придавил пальцы. Теперь должно быть безопаснее и прохладнее. Он встал в углублении и уставился в тёмный, но всё-таки слабо освещённый тоннель, который шёл прямо, но в конце была развилка. «Никогда здесь не был», — начал делать лёгкие шаги.

Всё быстрее и быстрее по тёмным разветвлениям тоннелей, петляя в разные стороны. «Куда идти-то?» Налево. Снова налево. Направо. Но выхода видно пока не было.

В один момент он стал слышать какие-то голоса. Какие-то бормотания. Остановился. Начал прислушиваться, но голоса затихли. Он сделал шаг, затем второй и третий — и всё быстрее начал продвигаться.

Снова голоса. Отчётливые, будто кто-то за следующим поворотом. Он отошёл быстро назад. Снова прислушался — и снова ничего не слышал.

Но резкий крик, где-то вдалеке, в одном из тоннелей, похожий на рык, поставил мальчика в ступор. К этому крику добавлялись ещё несколько криков мужских. По телу поползли мурашки. Казалось, будто крики приближаются. Но они не приближались.

Он начал шагать быстрее, с ещё большим желанием найти выход из этого лабиринта.

Крики начали удаляться. Не понимая, куда идёт, быстрый шаг сменился на бег. Он завернул в очередную тёмную трубу. Перед ним начал виднеться тусклый свет. «Думаю, я уже далеко ушёл». Немного подождя, никаких звуков он позади не услышал. Пригибаясь, он побрёл к свету. Добравшись, он привстал на дне углубления под ещё одним люком. Начиная взбираться

вверх, всё лучше слышит, что кто-то ходит и общается. Всё выше и выше. «Надо выбираться». Начал приоткрывать люк. «Тяжёлый какой. Предыдущий был легче». Через немалое усилие, благодаря страху и желанию выбраться, мальчик смог его сдвинуть и откинуть. Выполз, как будто все силы ушли. Он выбрался посреди тротуара. Проходящие мимо оглядывались на него с недоумением. Кто-то глядел с отвращением, кто-то с удивлением или подозрением. С немалым трудом он начал пытаться двигать крышку. «Надо быстрее её на место...» Но он с испугом заметил над собой остановившуюся тень. Кто-то схватил его за плечо. «Чёрт. Это конец...». Мальчик, тяжело дыша и вбирая воздух максимально, резко обернулся.

— Ну, на этот раз уже получше! — сказал насмешливый голос. — Не думал, что ты полезешь в каналы. Честно, за такую смелость, мне кажется, тебя даже наказывать не хочется, — задумчиво добавил преследователь.

Мальчик выдохнул и огляделся. Они были далеки от того места, откуда он сбежал.

— Учитель... Я... Там... — он не понимал, что сказать.

У мальчика мелькнуло то, что учитель должен быть далеко от мальчика, ибо тот люк, в который он залез, был в четырёх кварталах от места, где он выбрался.

— Как вы это... Как вы всё время меня находите?

— Тайна общества, мальчик мой, — ответила стоящая перед ним фигура со снисходящей улыбкой. — Пора бы тебе давно убедиться: со мной побегу не работают.

Мальчик уже немного отошёл от шока. Он уже спокойнее подумал: «Ещё чего. Всё равно буду пытаться».

— Ну всё, повеселились на утро и хватит. Задвигай люк. Нам надо уходить отсюда. Пора продолжить урок, Либрус. Мне, как твоему учителю, надо тебя учить, — как-то торопливо, но с небольшой улыбкой высказал тот, кто назвал себя учителем. — Помоги мне.

Они задвинули люк, и учитель наклонился перед ним, провёл рукой по круглой поверхности, сказал какие-то непонятные слова на неизвестном Либрусу языке.

— Учитель Авитус, что вы делаете? — вспоминая всё ещё те крики, спросил мальчик.

— Потом объясню... Всё готово. Пошли, — учитель резко встал, развернулся и начал идти прочь, не дожидая своего ученика.

Либрус поднялся с мощёного тротуара на ноги и не так активно зашагал за учителем, оборачиваясь на люк. Отдышки уже не было. Чувствовал он себя уже не таким уставшим, как до лазания по каналам.

— Либрус, скорее!

Они прошли через арку из белого камня. Взору открылась длинная мощёная дорожка, петляющая через зелёные деревья и лужайки, на одной из которых они и остановились. На ней уже лежали вещи, оставленные мальчиком и учителем. Мальчик сел и посмотрел на открытый учебник. «Оболочка души. Свойства и разновидности» — снова он увидел заголовок главы. Начал лениво перелистывать страницы.

— Нет, Либрус, пока остановись на этой странице, — задумчиво сказал учитель, глядя в свой учебник. — Там есть пара интересных фактов.

Но Либрусу не хотелось останавливаться на какой-либо странице. Он хотел домой. «И что это там было на улице...»

— Итак, продолжим...

— Учитель, так что это там было около люка? — перебил Либрус.

— Либрус... — Авитус опустил учебник и снисходительно высказался. — Я тебе сколько раз говорил не перебивать? Когда есть вопрос, руку поднимать.

Либрус поднял руку. Учитель вздохнул.

— Про люк объясню чуть позже, — чуть нервно сказал он. — Сейчас у нас не так много времени обсуждать посторонние предметы. Иначе... — он чуть улыбнулся, чуть кивая. — Я тебя задержу во внеурочное время.

Либрусу не хотелось задерживаться, чтобы чему-то учиться. Он опустил руку, скривив взгляд.

По ощущениям урок длился как жизнь души — бесконечно. У Либруса не выходили из головы те крики. Он активно о них думал, но в какой-то момент у него начали потихоньку закрываться глаза, и он оказался не в силах этому сопротивляться. Он будто начал отдалённо слышать их.

— Кажется, кто-то спит.

Либрус немного дёрнулся и оглянулся. Он услышал какую-то улыбку в голосе и почувствовал, как чей-то палец уткнулся в лоб и начал поднимать голову. Это всё тот же учитель.

— Да скучно мне... — сонно проговорил мальчик.

— Либрус... — учитель по-доброму усмехнулся. — Тебе это... Очень пригодится в твоём будущем служении Викисиме.

Мальчик закатил глаза. «Этот урок длится... Кстати, о бесконечности».

— Учитель, можно вопрос? — активно спросил ученик.

— Опять про люки?

— Нет.

— Ну ладно, дерзай. Хоть взбодрись...

— Но почему душа не может умереть? Я слышал, говорят, что здесь была одна особа, которая настолько яростно и неуважительно с ними работала, что чуть ли их не убивала. Или даже убивала... Говорят, что её за это даже выгнали из Викисимы.

Было видно, что учитель чуть задумался. Мальчик заметил лёгкую улыбку на лице Авитуса и немного сомнения. Учитель помедлил с ответом.

— Соглашусь. Интересный вопрос. Но я тебе скажу вот что: то, что говорят, не всегда может быть правдой. Это приукрашенная легенда, только и всего.

— Но почему тогда об этом говорят? — продолжал Либрус.

— Кто-то просто пустил слух о какой-то викисимской персоне, другим это понравилось, они начали это украшать ещё большими красками. — Авитус заметил явное разочарование в лице мальчика. — Соглашусь, Либрус. Зачастую реальность скучнее вымысла. Говорят одно, говорят другое. А знаешь, что ещё говорят? — с интригой спросил учитель, и мальчик взглянул на учителя вопросительно. — Говорят, ангелам крылья не нужны, чтобы лететь вниз головой. — Мальчик улыбнулся. — А ещё облака — это газы людей со всей планеты.

— ФУ-У! — сказал мальчик, начав смеяться. — Я же теперь не усну!

— Сейчас, Либрус, это как раз кстати, — рассмеялся так же учитель, положив руку на голову ученика. — Всё, теперь сосредоточились. Разговорчики на уроке убрать. Лишние мысли тоже.

Авитус продолжил читать лекцию.

Учитель опять за своё. Мальчик всегда замечал за учителем особую строгость. Либрусу было скучно, но иногда интересно слушать, как ему казалось, заученные учебники о сущности души и её видах, поведении, характерах и ещё немного психологии. Скука наступала для Либруса, когда он начинал делать вид учёного и говорить непонятными на тот момент учёными терминами. Мальчик уходил в задумчивость и, порой забывая, что идёт урок, с нетерпеливым интересом перебивал, задавая вопросы, которые вели к будущим темам. Или просто начинал неумолимо засыпать. Учитель, бывает, отвечает на некоторые из вопросов, но ему всё не терпится рассказать своему ученику об оболочке души и всех её свойствах.

Интерес же для мальчика наступал, когда светловолосая длинная персона, выступающая перед ним с высоконаучными речами, делала эти речи проще и начинала как-то с ними пошу-

чивать, приводить интересные примеры и даже иногда кривляться, как будто строгости в Авитусе и нет вовсе. Но это происходило не так часто и не так долго, как хотелось бы, и учитель снова начинал увлекаться научным говором. Иногда они вступали в споры, чего хотелось бы мальчику, а чего нет. После них Авитус, давал мальчику перерыв от уроков.

«А то убьёшь меня совсем. Ты ведь у меня боец», — смеясь, добавлял учитель.

А порой Либрусу это обучение так сильно надоело, что, когда учитель отворачивался, ему удавалось сбежать без каких-либо споров. Но, к его несовершеннолетнему сожалению, любитель научных речей его всегда находил, как ему казалось, всего за каких-то пару мгновений. Мальчик не понимал, как ему это удаётся. И всё-таки, разочаровавшись в неудачных попытках, он решил оставить побег, пока не придумает великий план для этого дела.

После окончания урока учитель Авитус позволил мальчику задать ещё несколько вопросов. Либрусу нравилось разговаривать с ним во внеурочное время, так как в это время учитель был не таким строгим.

Рассказывал, самое главное, простыми словами интересные истории о его путешествиях в сопровождении ещё нескольких викисимцев в Поднебесную, где живут люди. Внешне очень похожие на мальчика, на учителя, да и на многих, кто живёт и трудится в Викисиме — пристанище душ. На многих, но не на всех.

Авитус спросил мальчишку, не хочет ли он прогуляться, на что тот ответил с восторженным согласием.

Всё так же весело общаясь, они шли по набережной Викисимы. За вопросами Либруса следовали ответы Авитуса. А иногда и наоборот.

— Почему в Викисиме всё белое? Почему мы носим эти тоги вместо одежды, как у людей? Почему люди снизу живут так мало, ведь из-за этого же Викисима не успевает работать? Почему мы в воздухе, а не на земле?

И на некоторые вопросы Авитус и сам не способен был ответить, ведь не задумывался об этом. Он этого и не скрывал.

— А я не знаю, — отвечал Авитус и придумывал какой-нибудь ответ, а Либрус ему помогал, ибо с фантазией у него был порядок.

— Как у тебя там дела в амбаре?

— Да вроде хорошо. Иногда... играем с ребятами, — Либрус не понимал, как сказать. Не знал, что говорить. — Я бывает прихожу и ложусь спать.

— Сон... это, конечно, хорошо, а уроки ты когда, боец, начнёшь делать? — дружелюбно толкнул Авитус Либруса локтем.

Мальчик чуть нахмурился.

— Да сделаю.

— Мы немного по программе не успеваем, — продолжил мягко Авитус. — Без этих знаний тебе трудно придётся в будущем. Это уже проверено.

Мальчик молчал.

— Помню... Сам не знаю как, но выучил это всё. А может, и не всё...

Мальчик посмотрел на него, прищурившись. Учитель чуть посмеялся.

— Не смотри на меня так. Сложновато в то время было, — кажется, он задумался. — Пришлось в короткие сроки всё это изучать.

— Как это? У нас же целых... шесть викисимских лет обучения.

— Да... — чуть покачал Авитус головой. — Да...

Наступила небольшая тишина.

— А Кантор как, кстати?

— Да вроде хорошо. Он тоже учится и... Мы с ним позавчера виделись.

— Что-нибудь новое рассказывает?

— Ну... Он узнал про новую игру и хотел бы со мной поиграть. Но... пока не получается. Ещё рассказал про книгу, которую прочитал. И говорит, что очень понравилась.

— Правда? Что за книга?

— Вроде там в названии... Я не помню названия, но там девочка с мужиком ходят по лесу и пытаются выжить.

— О! Что-то такое тоже слышал... Тоже названия не помню.

Они шли мимо начинающего заход солнца, которое устремляло свои уже оранжевые лучи на высокие белые здания облачного города.

— Да уж! Красота. Наши создатели потрудились не только над красотой, но и над практичностью. Знаешь, порой не знаю даже, как описать. Чистилища для душ обладают уникальной картиной. Сколько лет прошло, а я до сих пор не увидел что-либо прекраснее. Эти места дают энергию всем, кто живёт и трудится здесь.

«Действительно, красиво. Но опять он уходит в свои рассуждения об этом», — подумал мальчик.

— Но это, конечно, я не упоминаю красоту Поднебесной. Земную красоту, — продолжал Авитус. — С момента одного из моих путешествий туда у меня всё ещё остались впечатления от реки Ли в Китае. Зелёные горы, обвешанные туманом, — такие высокие, что, кажется, они достают до самой Викисимы. Высотой почти как эти дома.

Солнце... В любое время суток оно делает то место разным и поистине необычным. Спокойная река, извивающаяся между холмов... И это стоит уже очень долгое время — и простоит ли ещё столько же?..

— А ещё там всё зелёное, — с улыбкой добавил он.

— Да-а! — с неприкрытым интересом ответил мальчик. — Вы мне показывали из книги.

Мальчик вдруг остановился. «Долгое время и ещё столько же...» Учитель заметил это только после того, как прошёл чуть вперёд и не обнаружил присутствия мальчика рядом.

— Ты чего это? — повернувшись, спросил он.

— Учитель, когда вы меня обучите, вы так же останетесь моим наставником? — спросил Либрус с некоторой надеждой на согласие, хотя уже знал ответ.

— Нет, Либрус. Когда ты выпустишься, мне придётся взять нового ученика. Правила же такие, что... — он прервался, увидев затосковавшего мальчика, и тут же добавил с некоторой веселостью: — Но ты всегда сможешь спросить у меня совета! Мы, конечно, сможем видеться.

Мальчик мельком взглянул в ярко-голубые глаза Авитуса, в которых отражалась вся палитра заоблачного заката, — в которых он всё-таки успел разглядеть некоторую наигранность. Понимая, что в дальнейшем он хоть и сможет видеться с учителем, но это будет происходить далеко не так часто, как сейчас, он всё же улыбнулся.

— Не хочу выпускаться. Вас рядом не будет. Вы будете где-то там учить, а меня вы учить перестанете.

Авитус будто в неловкости замельтешил руками.

— Либрус... Да когда ты от меня уйдёшь... У тебя будет столько всего, что и не до меня будет вовсе. Ты главное... Верь и не сердчай. Как я и сказал, к тому же, мы разойдёмся не навсегда — ещё будем видеться.

Взглянув в сторону, Либрус увидел небесный простор, заходящее солнце, по цвету уже напоминающее апельсин. Облака где-то далеко внизу плыли, как бесшумные реки, и играли с солнечным светом, который пытался закрыть всю их поверхность, но ему мешали их изгибы. И это был лишь один пейзаж Викисимы из многих, которые хотелось наблюдать и наблюдать вечно.

Он почувствовал лёгкий толчок в плечо. Посмотрел на Авитуса. Тот смотрел, широко улыбаясь. Толкнул ещё раз, но сильнее.

— Э-эй! — возмутился мальчик.

Он начал тоже толкаться. В какой-то момент Авитус начал уворачиваться, но толкать в ответ. Мальчик бросился догонять. Авитус поднял руки, будто готов драться, и пригнулся под рост мальчика, всё так же широко улыбаясь.

— Давай, боец. Одно касание. Оп! Мимо. Оп... Было близко... Ну же, ха-ха! Не этому я тебя учу, дорогой.

Мальчик начал разыгрываться. Он встал, делая вид, что играть больше не хочет. Авитус расслабился.

— Ну ладно...

Либрус резко схватил его руку и начал тянуть вниз.

— Попались!

— О нет! — говорил громко Авитус. — Меня обманули, как дитя. — Он упал вместе с Либрусом. — Ну всё. Я тебе этого не прошу. Берегись, боец.

Он начал подниматься. Либрус держал крепко и даже повис. Авитус начал его щекотать. Хватка ослабла. Либруса перекинули на плечо.

— Ты был достойным соперником, но теперь тебе конец.

Авитус начал быстро крутиться.

— О-о-о! — начал кричать Либрус.

Спустя десять кругов Авитус повалил Либруса на землю.

— Враг повержен.

Либрус был немного в шоке.

— Это было нечестно. Вы сильнее!

— Да! Я сильнее. Хо-хо.

— Вы сейчас умрёте. — Либрус быстро встал, пошатнулся и побежал на Авитуса.

— О нет! Кажется, он в ярости. Надо убежать.

Мальчик нагнал Авитуса, и ещё некоторое время они шли по набережной Викисимы. Толкали друг друга, изредка что-то обсуждая.

Так быстро течёт время. В викисимском дне всего ведь 8 хоров до захода солнца за горизонт, которые разделены на 100 делений. А дальше идёт ночное время.

«Есть ещё энн — это викисимский год. В нём 167 викисимских дней. Почему викисимских? Вроде дни в Поднебесной и дни в Викисиме разные».

Чем разные, Либрус пока не интересовался.

Авитус проводил Либруса до Вивы — места, где живут все ученики и некоторые учителя.

Но мальчик называл его огромным амбаром из-за внешнего сходства. Но при этом он очень просторный и уютный, обвешанный сотнями окон разных помещений и комнат, в которых живут другие ученики, которые так же, как он, обучаются небесному ремеслу. Свет во многих окнах не горел. «Видимо, кто-то любит пораньше лечь», — подумал Либрус, приближаясь к Виве. Или в них никто не жил. Таких, как он, не так уж и много, но достаточно, чтобы иногда в главном зале не хватало мест, чтобы посидеть и отдохнуть.

— Это... Отоспись хорошенько и лучше ляг пораньше. Хорошо? Завтра после уроков тебя ждёт боевая тренировка, — сказал Авитус своему ученику.

— Но учитель, у меня тело не прошло ещё после вчерашней, — не скрывая свою усталость и негодование, простонал Либрус.

После тренировок он чувствует себя выжатым.

— Ничего. Тебе ещё многому предстоит научиться, — с весельем говорит учитель. — Осознавай этот факт, и тебе будет легче смириться.

— Не хочу я это осознавать, — нахмурился ученик. — Почему вот у Кантора нет таких тренировок или вот у кого-то ещё?

Учитель замялся, немного посмеявшись:

— Ну... Потому что у них свои методы, а у меня свои, — хитро высказал учитель. — Придёт время, будешь меня благодарить, юнец! — и положил руку на голову Либрусу. — Помимо этого тебе также много предстоит понять в этой жизни.

Либрус не стал спорить, закатил глаза и про себя добавил: «Завтра ещё раз сбегу, точно получится».

— О, и ещё... Я забыл сегодня тебе сказать. Не смей больше лезть в каналы, — строго проговорил учитель, указав пальцем на мальчика. — Завтра я тебе объясню почему, сейчас уже времени нет. Как же я забыл-то...

— Хорошо, — непонимающе ответил Либрус. — А у вас какие-то ещё дела?

— Конечно... Мне нужно же ещё тебе программу на завтра и послезавтра поправить. «Такое не часто увидишь... Учитель обычно не торопится».

— Ладненько, Либрус. До завтра, никого не обижай.

— Я и не обижа... — Либрус не успел договорить, учитель развернулся сразу после прощания и пошёл быстро. — До завтра, учитель, — крикнул он и поплёлся в сторону небесного общежития, думая, что упадёт как только зайдёт в свою комнату.

Зайдя в Виву, он тут же услышал звонкий голос Кантора. Пройдя чуть дальше по просторному залу мимо многочисленных диванов и пуфиков, замечая на себе несколько странных взглядов, которые немного его смутили. Далее он увидел среди ещё нескольких учеников пухлую фигуру с тёмными волосами, активно общающуюся с группой учеников, которых он тоже как бы знал, но не мог вспомнить имён. Подходя всё ближе, Либрус лучше начинал слышать суть беседы.

- Да ладно, ребят. Я так скуку хотел убить. Мне тоже эта игра нравится ведь...

- Кантор, отойди пожалуйста. Ты нам мешаешь...

- Да вы же только начали... Я бы к вам присоединился легко...

В ответ молчание.

- Привет. — Сказал тихонько Либрус друг.

Зелёные глаза под круглыми очками Кантора неловко проскочили по Либрусу и вернулись к настольной игре, в которую играла группа. Кантор хоть и немного, но внимательно посмотрел за ходом игры. Либрус немного оглянулся и снова заметил пару косых взглядов. Так, играющие за столом чуть отодвинулись при подходе Либруса.

— Ладно, если надумаете взять хорошего игрока, зовите меня! — пытаюсь казаться уверенным, произнёс друг и начал отходить.

Ответа не было.

— Ну что, Либрус? Я смотрю, ты сегодня не смог сбежать от своего учителя, раз пришёл в амбар так поздно, — сказал Кантор, немного виновато улыбаясь.

Либрус, усмехнувшись, ответил:

— Нет, как видишь. В твоём плане оказался просчёт... Опять. Хоть самому планы составлять. И кажется, что на этот раз он нашёл меня даже быстрее. Даже пришлось лезть через каналы.

— Ты лез через каналы?! — с удивлением спросил Кантор. — И ничего такого не встретил?

— Ну... А что я должен был там встретить? — не зная, что ответить, засомневался. «Учителя это тоже удивило».

— Так через них же бывает перегоняют души из Ада в Рай и из Приёмной в Ад, и вообще всякое такое. Но это скорее как запасной вариант. Раньше их постоянно использовали. Внутри они часто петляют и разворачивают, и ближе к подходам в Чистилища они сильно защищены. Говорят, что они такие запутанные лишь для того, чтобы нежеланным гостям было труднее найти эти подходы. Ты же мог там потеряться, ты понимаешь? — с некоторым испугом и возмущением добавил Кантор. — Что с тобой? — он заметил странное лицо Либруса.

— Ну... Я там слышал что-то странное. Я не так долго был там. Нашёл выход и выбрался. Еле открыл этот люк. Все силы ушли.

— Что странное ты услышал?

— Голоса какие-то... А потом крики. — Либрус вспомнил ужас, который он испытал.

— Ого! — Кантор искренне удивился и задумался. — Скорее всего... это могли быть голоса тех душ, которые перегонялись... А крики, возможно, доносились из Ада.

— Из Чистилища Очищения? — не понимая, как это связано, спросил Либрус.

— Ну, я тебе скажу, друг мой, что разные методы очищения бывают, — немного с умным видом сказал Кантор. — И если тебя в тоннелях заметят, то могут начать в чём-то подозревать. Тебе ещё сегодня повезло. И как ты вообще туда попал?

- Я просто открыл люк и залез.

— Я просто открыл люк и залез.

— Так просто?

— Да.

— Вот оно как. Видимо, проводились какие-то работы... — задумчиво ответил Кантор. — Ну, если за тобой сегодня ночью придут — зови, будем драться, — посмеялся звонко Кантор.

Но воображение Либруса начало нагонять страх.

— Да не волнуйся ты так, дружище. Я слышал из истории ребят...

— Отойдите. Чего встали здесь? — перебил его какой-то ученик постарше, толкнув плечом. Мимо них прошла небольшая компания.

Это был Секрус. Кантор оглянулся по сторонам.

— Полно ведь места...

Либрус ощутил, как в груди начало греться. Кантор резко продолжил.

— Я слышал из истории ребят, что с тобой только поговорят и всё. — он положил руку другу на плечо.

— Кстати! Я хотел тебе кое-что показать, — с наигранной интригой сказал Кантор.

— Что же ты хотел мне показать? — так же с наигранной задумчивостью спросил Либрус.

— А вот всё тебе скажи. Завтра скажу, — с хитрой ухмылкой ответил Кантор и добавил так, что у Либруса прозвенело в ушах: — Так что отменяй все свои планы — мы идём на подвиги!

— Ладно-ладно, только не кричи. А то если голова моя взорвётся, то в живых она никого тут не оставит, — рассмеялись мальчишки. — Но, сэр Кантор, я вынужден отказать вам в вашем предложении, — добавил он с наигранной грустью. — У меня завтра боевая тренировка.

— О нет! Опять! Но мы же с вами, сэр Либрус, так давно не ходили гулять. Так давно не творили всякого всего.

И тут Либрус вспомнил о своём «великом намерении»:

— Точно! Я же хотел завтра сбежать, и, кажется, у меня есть план. Кантор, кажется, у нас есть шанс.

— Отлично! Стоп! Ты думаешь, что всё-таки сможешь сбежать? — непонимающе спросил Кантор.

— Думаю, да. Спусти столько попыток я, кажется, понял, как мне действовать.

— Рассказывай, — заговорщически продолжил Кантор.

Либрус так же заговорщически высказался.

— Думаешь, всё-таки сработает через улицу Первого Завета? Он тебя уже там ловил.

— В этом суть. Он может подумать, что я не буду сбежать через туда дважды.

Либрусу это казалось гениальным.

— Что же, хорошо. Если ты не придёшь, я подумаю, что тебя поймали. Возможно, схожу без тебя. Итак, план таков, сэр Либрус: после наших с вами уроков мы спустя один хор должны будем встретиться около... — Кантор задумался. — Библиотеки. Знаешь, где библиотека?

— Конечно, знаю. За кого вы, сэр, меня держите? — с наигранным возмущением ответил Либрус.

— Прекрасно, приходите один завтра спустя хор после уроков. А теперь вынужден вас покинуть: мне нужно кое-что подготовить к завтрашнему вечеру, — с нотками тайны сказал Кантор.

— Ну хорошо, я тогда пойду спать, — ответил Либрус.

Они разошлись на лестнице. Их комнаты находились на разных этажах.

Войдя в свою комнату, Либрус не стал зажигать свет. Он закрыл дверь и начал снимать тогу, обёрнутую вокруг его тела. В такие моменты он задумывался о людях: ведь они носят одежду, которую можно снять и надеть одним движением и не думать, как и куда её завернуть. Это не приносило ему дискомфорта, но это приносило некоторое непонимание в его голову. Почему же они не могут носить такие же вещи? Кантору эти тоги нравятся. Он вертит их на себе как хочет и каждый раз по-разному. Сбросив тогу и даже не подобрав, он проковылял к зеркалу. В комнате было темно, но света было достаточно, чтобы различить, как из зеркала на него в ответ смотрит темноволосый мальчик с немного поблескивающими голубыми глазами, но не такими голубыми, как у учителя. Тело его было худовато, но при этом на нём виднелся некоторый рельеф мышц, который давали тренировки.

Он опять вспомнил тренировку и скорчил недовольное лицо. Это выглядело так, будто он пытается передразнить своё отражение, которое в точности повторяло всё за ним. Либрус не понимал смысла этих тренировок. Зачем учитель заставляет его прыгать туда-сюда с палкой? Ещё зачем-то навешивает на палку разные утяжелители. Ещё говорит про концентрацию ауры, её сбора и высвобождения. О каком-то отдыхе... Какой отдых, когда тренировки день через день? Но что-то ему в этих тренировках нравилось. Точно, ему нравилось одно упражнение, когда он учится крутить палку вокруг своего тела. Ему доставляет удовольствие, когда у него это получается, но пока что не так красиво, как показывал учитель. «А кто его этому научил?» Либрус никогда об этом не задумывался. «Не хочу на тренировку. Поначалу нравилось, а сейчас не очень».

С мыслями про энергию Либрус вспомнил и рассказы учителя про создателей Викисимы, которые создали чистилища для душ и сами слились с ними, пропитали своей аурой весь город, всю территорию и что-то типа того. Энергией, которая днём поддерживает жизнь во всех, кто там живёт, а ночью ослабевает. Благодаря ей они не нуждаются в других источниках поддержания в себе жизни. Как будто создатели сами стали тем, что создали.

Покривлявшись перед зеркалом, он пошёл к кровати, споткнулся обо что-то и чуть не упал, успев захватиться рукой за стол, который стоит рядом с кроватью. Он обернулся и увидел подушку, лежащую на полу. Утром он чуть не проспал и проснулся из-за того, что упал с кровати вместе с подушкой, которая так и осталась лежать на полу, когда Либрус молнией собрался

на учёбу. Учитель неоднократно его отчитывал за опоздания, но мальчику было сложно просыпаться по утрам. «Да и что, учитель, в самом деле... Вроде не сильно злитесь».

Вместе с подушкой он заметил и бардак в комнате, который он всё забывал прибрать, да и не особо-то хотелось, ведь. Подняв её, он тут же лёг на кровать, укрылся тёплым одеялом и почувствовал удовольствие, когда тело чуть ли не расплзлось по кровати. Он вспомнил голоса и крик. «Какие же методы очищения могут быть?» Его воображение начало играть и не давало уснуть. «Куда же Кантор хочет сходить?» Он стал гадать разные варианты. Может, он хочет сходить на Облачный Утёс, попрыгать в облака. Но он бы не стал говорить с такой тайной, ведь они туда часто раньше ходили. Он сказал, что надо встретиться рядом с библиотекой. Может, он хочет показать ему книгу. Может, Кантор хочет его с кем-то познакомить. А может, он хочет сводить его в какое-то тайное место. С этими мыслями мальчик и уснул.

Глава

Проснувшись, Либрус посмотрел в окно. Что-то осознав, он резко вскочил с кровати и чуть ли не по пути наматывал тогу. Он проспал. Опять.

Пробегая мимо главной двери, ему в дорогу кто-то с задором крикнул:

— Поспешишь — всех насмешишь!

Либрус обернулся и увидел низкую и сутулую фигуру викисимца. Это был Пакс, один из смотрящих в общежитии. Они помахали друг другу. Пакс был староват, но весел, иногда помогал советом, но строго относится к правилам Вивы, которые гласят: обязательно ложиться спать после захода солнца за Лиру — созвездие такое, — и какие-то ещё правила. Либрус плохо их помнил. Зачем их вообще ввели? Раньше их не было.

Мальчик иногда останавливался ненадолго, чтобы поправить тогу. Она всё никак не сидела. Пробежал мимо библиотеки. «Высокие башни», — загляделся он и чуть не врезался в какого-то викисимца. Он побежал переулками. Несмотря на то, что здания были белые, мраморные, в переулке было мрачно. Ещё там были какие-то пятна на домах. «Не останавливаемся, быстро пробегаем!»

Выйдя из переулка, он увидел пухловатую фигуру Кантора, стоявшую рядом с викисимцем, который выше его на несколько голов. У него была полулысая голова и овальное лицо. «Вот и Кантор с учителем. Кажется, опять идут в библиотеку», — те, в свою очередь, заметили его.

— Либрус! Давно уж должен быть на учёбе! — громко проговорил с прищуром учитель Кантора с другой стороны улицы.

«Да знаю я... Что вы, в самом деле? Вот и парк. Отлично. Не так уж и сильно опоздал». Пробежав мимо входной арки, он сразу увидел учителя, который стоял и что-то писал. Сразу к нему.

— Либрус. Сколько можно? Мне в Виву приходится тебя будить? — с каким-то непониманием спросил учитель.

— Ам... Я просто... — начал мямлить мальчик, поправляя тогу.

— Нет, Либрус. Чтобы это был последний раз... Посмотри на меня... На меня посмотри. Тебе нужно научиться быть ответственным. То, что ты опоздал в очередной раз, — ничего страшного, но тебе необходимо выработать чувство дисциплины. Ты сбегаете постоянно, не желая учиться. Твоя домашняя работа страдает... — Учитель остановился, увидев виноватое лицо мальчика. — Хм... Как ты себя чувствуешь?

— Эм... Нормально.

Но учитель заметил сомнения в словах.

— Нет... То есть... Давай уж честно скажи.

Либрус посмотрел в лицо учителя, не понимая, говорить правду или нет.

— Я... Ну... Я устал от уроков... — снова взглянув в лицо учителя, продолжил. — У нас давно не было свободных дней, и... От тренировок у меня всё ещё тело болит.

— Хм... Действительно, — сказал учитель после недолгого молчания. — Скорее всего, из-за этого ты начинаешь опаздывать.

Учитель, смотря в сторону, задумался. Прямо хорошо задумался. Либрус мельком заметил на его лице какое-то сомнение, и он ещё как-то головой встряхнул еле заметно.

— Хорошо, — сказал Авитус наконец, прервав задумчивость Либруса. — Давай тогда сегодня у нас урок будет идти половину времени... и... Тренировку тогда уж сегодня не будем проводить. После урока займёмся своими делами.

Либрус почувствовал, как его душу поднимают ангелы на большой скорости, и у него захватило дух.

— Хорошо! Спасибо большое, учитель!

— Воу... — явно не ожидавший такой реакции Авитус. — Не кричи так. Народ распугаешь. Боюсь представить, что будет, если я тебе скажу, что завтра у тебя будет свободный день.

Либрус начал скакать на месте и улыбаться во все зубы.

— Ладно-ладно. Садись и приступим.

Либрус активно сел, и для него этот урок прошёл просто как две секунды.

— Отлично позанимались, Либрус. Ты слушал, и мне уже это нравится. Если бы это можно было на все уроки распространить, — смотрел он на Либруса, чуть улыбаясь.

Либрус понимал, что этот урок прошёл в его удовольствие. Он слушал, записывал и отвечал. Да и заумных речей от учителя было меньше. Он рассказывал так, что всё было понятно. А может, просто тема была лёгкой.

Либрус помог Авитусу собрать вещи. Когда он подавал учителю одну из учебных принадлежностей, учитель взял её правой рукой, и Либрус заметил, как из-под ткани мелькнуло что-то тёмное, определённо темнее цвета тоги. Авитус тоже это заметил и плавным, но быстрым действием взял учебник и отвернулся. Либрус не мог припомнить, чтобы в одежде викисимцев было что-то ещё, кроме белой тоги.

— Учитель...

— Всё, Либрус, я побежал. Мне ещё нужно с Когитом встретиться. А с тобой мы встречаемся послезавтра. И доделай всю домашнюю работу, и вообще проведи время... с пользой.

И учитель ушёл в задумчивости и небольшой суетливости. Либрус так же задумчиво смотрел ему вслед. Но тут он вспомнил, что он сегодня встретится с Кантором, и его энтузиазм возрос до небес. Хотя, казалось бы, куда ещё выше. Он быстро зашагал в сторону Вивы.

Шел, не обращая внимания на суетившихся викисимцев. На таких же учителей с такими же учениками. Шел, подогревая свой интерес нетерпением и предвкушением.

Когда они виделись с Кантором? Дней двадцать назад? Может, сто? Либрус был весь в уроках и тренировках. Учитель Авитус не мог заниматься с ним меньше. Он говорил что-то про ответственность и какую-то необходимость... Что это Либрису пригодится, но потом он объяснит, для чего.

Но плюсы есть: благодаря тренировкам сбегать от учителя стало легче. В целом поэтому он и стал сбегать.

Подходя ближе к амбару, он стал замечать знакомую фигуру. Это была девочка. Либрус начал замедлять шаг, всё больше забывая, куда он шёл. Он видел не просто девочку, он видел ту, от кого не хотелось отводить взгляд. Та, кто не давала ему пройти мимо, хоть и сама она об этом не знала. Её голубые глаза вызвали огонь внутри Либруса. Он хотел в них смотреть, но не мог, когда они смотрели на него. Его уверенность гасла в мыслях о том, чтобы с ней заговорить. Он остановился. Она сидела одна и раскладывала какие-то карточки. Он стоял, но мысли говорили ему идти к ней. Но он стоял в нерешительности. «Мне вообще с Кантором встретиться надо... Ещё много времени... С ней поговорить... Пойти прогуляться пока...» Он остановился на пол-оборота, когда заметил, что собирался уйти. Но её глаза не отпускали.

Какой-то силой он повернулся в её сторону и начал шагать. Неуверенно. Плавно. Рвано и снова плавно. При этом он снова начал замечать на себе несколько странных взглядов других учеников. «Или показалось...» В нём боролись желания уйти и подойти, поговорить. «А что сказать...» До этого они уже общались несколько раз. Но как-то слабо получалось держать диалог. Либрус чувствовал, что немного замыкается, боится. В груди происходило что-то непонятное. То страх, то адреналин. То сжимало, то ком в горле. Ему приходилось отступать, так как страх выигрывал желание.

— Либрус... Привет.

Он услышал её голос. «Как я оказался так близко?» И вот он уже стоит перед ней, а она сидит на ступеньке.

— Привет... Фолиола.

— Ты... Чего-то хотел? — её взгляд был немного растерянным.

— Я хотел... Прогуляться.

«Что?» — спрашивал он себя.

— Прогуляться?

— Да... Я хотел... Ты хотела бы прогуляться?

— Я... В целом могу. — В Либрусе начал зажигаться ещё больший огонь. Так далеко он не заходил никогда. — Только мне сейчас надо разобраться с этими темами. Ты... можешь меня проверить? Я раскладываю карточки, определения, темы и рисунки.

— Я... Да... Но я... сам могу не помнить... Но я с радостью.

— Они подписаны. Тут главное — просто проверить. — Она улыбнулась и поправила тёмные, немного вьющиеся волосы. Либрус чуть не сторел.

— Без проблем! Я и сам тоже... потренируюсь — вспомню! — он сел перед карточками напротив неё.

— Отлично! Сейчас я закончу.

Она разложила ещё несколько карточек. На одной из них был рисунок сферы с тёмными пятнами. Она его закрыла карточкой с описанием и определением «Макулат».

— Всё.

— Хорошо. Давай...

Либрус видел перед собой 20 определений. Начал с того, на котором написано «Мундус». Прочитал в описании «Чистая душа» и увидел картинку с ярко-белой полупрозрачной сферой.

— Это я помню. Верно, — улыбнулся он.

Девочка тоже улыбнулась.

— Очень странное название.

— Эм... Да, скорее всего...

— Знаешь, на что похоже?

— М?

— Вспомнить не могу... — она приставила по несколько пальцев ко лбу и принялась усердно думать.

Либрусу эта картина показалась забавной. Он хихикнул.

— Чего такое? — спросила она.

— Ну... У тебя... Ты забавно... думаешь, — ему стало неловко, что она заметила.

— А, да? — и снова начала думать, но уже более притворно.

Её лицо было милым и одновременно забавным. Она выпучила губы и очень сильно прищурила глаза. Либрус не сдержался. Начал смеяться и её пародировать. В этот раз ему стало легче. Будто... опасности нет. Она начала пародировать его.

— Я лучше думаю, — проговорила она и скрючила гримасу.

— Нет, я! — он скрючил гримасу ещё сильнее, сдерживая смех.

Спустя пару гримас друг от друга Фолиола рассмеялась первой.

— Я вспомнила, на что похоже это название! — продолжала она смеяться. — Твоё лицо на это тоже сейчас было похоже!

— На что? — покраснелся он.

— На... — она не могла перестать смеяться, — на хумус.

Либрус немного растерялся.

— Я не знаю, что это.

— Серьёзно? — она удивилась. — Это ну... Ты знаешь, что такое орехи?

— Угу.

— Вот. Это вроде орехового пюре. Там ещё что-то добавляется, вроде лимон и масло какое-то...

— Это что-то из Поднебесной?

— Да!

— О! Мне учитель показывал рисунки с Поднебесной и рассказывал про путешествия туда. — Либрусу нравилась эта тема.

— Ого! — воскликнула она. — У тебя учитель что ли этот... Как их... — она снова начала вспоминать в привычной манере.

Либрус снова хихикнул, но уже более заметно.

— Ну скажи. Я не могу вспомнить.

— Да, он один из эксплоров.

— ДА! Они же выходят туда и изучают эти всякие взаимодействия между духовным миром и физическим. Это здорово!

— Да. Мне очень нравятся его истории.

— Либрус, может... пойдём прогуляемся сейчас? Просто мне очень хочется послушать... Ты можешь мне рассказать какие-нибудь истории твоего учителя?

Либрус воспламенился.

— Конечно! Могу много историй рассказать.

— Прекрасно! Сейчас всё соберу и пойдём.

— Там действительно можно сойти с ума? — спросила Фолиола.

— Угу. И не просто сойти с ума. Там ещё меняется твоя аура и внешность. Ты можешь поменяться до неузнаваемости.

Фолиола протяжно охнула и прикрыла рот руками.

— А вернуться можно будет?

— Мне учитель говорил, что если пробыть там... эм... дня два или три... Может, больше...

— Викисимских дня? Вроде время у нас и в Поднебесной различается.

— Викисимских, да. Если быть там примерно столько, то вернуться можно. Действие ауры Поднебесной на душу будет небольшим. НО! — с небольшим волнением, но с интересом объясняя, вскрикнул он. — Лучше не медлить, иначе начнёшь терять рассудок. — Добавил он с умным видом. «Как учитель прям».

— Да... Я слышала несколько историй, как кто-то не смог выбраться оттуда. И представляешь, помочь не могут! — У неё появилась нескрываемая досада на лице. Её выющиеся волосы немного свалились на лицо.

— Да! Я слышал тоже, что кто-то стал похож на гору, а у кого-то два глаза слились в один... И ещё кто-то получает что-то похожее на... как у животных или насекомых! Хвосты или... голова как у быка!

— ДА! А ещё все они становятся большими, если долго будут находиться там.

С большим интересом и энтузиазмом они обсуждали эту тему.

— А почему так происходит? — спросила Фолиола.

— Ну... Мне учитель говорил, что аура души не соответствует ауре Поднебесной, и Поднебесная начинает... Как это он сказал... «Преображать... превращать под себя». Вот. И, как бы, поэтому в Поднебесной души должны находиться в теле.

Фолиола хихикнула. Либрус немного растерялся.

— Ты забавно объясняешь. Делаешь такой умный вид, но это забавно.

«Прям как учитель», — подумал Либрус с небольшой гордостью.

Они шли по той же Викисимской набережной, на которой было пусто. Закат уже близился к концу.

— О, Либрус! — посмотрела на него с каким-то озарённым лицом. Он почувствовал, как его лицо горит. — Подержишь меня?

— Что? — он был в неожиданном смятении. — Ты чего? Не лезь туда... Там же снаружи ничего нет. Ты можешь вывалиться.

— Поэтому ты подержи меня, — она слезла обратно, взяла его за руку и потащила к широким перилам набережной.

Он растерялся. Он чувствует её руку в своей руке. Он захлебнулся в словах.

— Только аккуратно...

— Так, держи, — крикнула она уже сверху.

Он держал её крепко. Она шла по широким перилам спокойно, смотря на Либруса сверху и улыбаясь. Либрус уже тоже не мог отвести от неё взгляд и тоже улыбался. Фолиолу освещал последний луч заката. Очень оранжевый. Очень красивый.

— Залезь тоже. Отсюда лучше видно.

— Я... — он боялся сказать, что он боится. — Я...

Но она уже начала его затягивать наверх.

— Давай! Я тебя держу.

Либрусу ничего не оставалось. Он сначала забросил ногу. Он боялся, что заденет Фолиолу и она упадёт, но она крепко его держала и затаскивала на платформу. Либрус тихонько поднялся. Он стоял на длинной плоской платформе. Он заметил, что уже не он держал Фолиолу, а она его. В груди была буря эмоций.

— Смотри, — сказала она и показала вниз.

Он не мог сдвинуться с места.

— Не бойся, — аккуратно сказала она и начала немного притягивать к краю. — Я держу.

«Держит крепко», — заметил Либрус. Он начал тихонько шагать. Он вытянул голову и посмотрел вниз. У него захватило дух.

Там внизу был какой-то город с множеством огней, который был частью Викисимы. Но назывался он по-другому. Либрус никогда не думал о нём и не видел, как он выглядит. Он вспомнил, что Викисима — это один из верхних уровней целой системы небесных городов. Он видел на картинках, что они как пластины, находящиеся над и под друг другом, соединённые посередине. Но это не мешало солнечному свету проникать сквозь всю систему и освещать каждый город в ней. Под этим городом Либрус видел лишь проплывающие далеко внизу облака. Что в них и под ними, он мог только гадать.

Он немного отошёл от края и начал переводить дух.

Он почувствовал, как Фолиола сжала его запястье.

— Правда здорово?

Она смотрела на него полными огня и интереса глазами. Либрус не мог сказать и слова. Он лишь кивнул.

Она хихикнула. Очень мило хихикнула. Её волосы снова упали на лицо. Она их поправила.

— Пойдём, — начала она его тянуть тихонько вдоль платформы.

Либрус начал поддаваться. Он не мог не поддаться.

Они шли. Он уже стал смелее, и ему начало нравиться. Со стороны Викисимы он видел возвышающийся белый город, который уже был синим от вечернего неба. Огоньки сияли на высоких монолитных зданиях и отдельных домиках. На некоторых домах — высоких и поменьше — были прямые линии света. Они шли от макушки зданий почти до самого основания. Иногда резко заворачивали и шли вбок, за угол.

Набережная была тоже освещена. Столбы с огоньками тянулись по мостовым и извилинам дорожек.

Они шли по платформе. Шли. Шли всё быстрее и быстрее, тихонько переходя на бег. Они бежали. Либрус бежал за ней. А она бежала, держа его за руку. Либрус держал её тоже. Она отпустила.

— Ты водишь, догоняй! — крикнула она и ускорила.

Либрус тоже ускорился. Он бежал, улыбаясь во все зубы. Он не мог сдержать улыбки. Она спрыгнула, и он спрыгнул тоже. Они бежали через дорожки и мимо столбов огня. Бежали быстро. Он начал её догонять.

— Теперь ты водишь! — крикнул он, коснувшись её всей ладонью, и, повернувшись спиной, побежал от неё.

— Нечестно! Ты тренируешься! — крикнула она, возмущаясь.

Либрус усмехнулся.

— Теперь ты давай! — крикнул он в ответ, чуть замедлив темп. Но врезался в столб спиной и упал на живот.

Услышал приближающийся смех, но не успел встать. Фолиола увалилась рядом, смеясь. Он посмотрел на неё. Она смотрела на него. Либрус просто перестал думать. Он не мог оторваться. Непонятно, сколько времени они лежали.

— Теперь туда посмотри, — она показала на небо.

Он посмотрел на небо. Там были звёзды. Много звёзд, разноцветных. Этот день для Либруса просто не мог стать лучше. Он лежал, не думая ни о чём. Он чувствовал, что его ничего не беспокоит, не тревожит, не волнует. Он расслаблен и не замечал времени.

— Кажется, нам пора, — тихо проговорила Фолиола.

— Я не хочу, — тихо проговорил Либрус.

— Я тоже. Давай вставай, — она легко толкнула его в плечо. — Чего разлёгся? — скорчила серьёзность.

— Эй. Это ты первая начала бежать, и поэтому я споткнулся, — начал он улыбаться.

— Неправда. Пошли, — начала она смеяться и подниматься.

Либрус немного пересилил себя и тоже встал. Они шли, спокойно обсуждая звёзды, учёбу. Ей тоже, кстати, не очень нравится учиться. Она спрашивала, как он сбежал от своего учителя, какие темы больше всего не нравятся, как Либрус тренируется и так далее. Либрус

всё с удовольствием рассказывал. Он тоже много чего у неё спрашивал. Они дошли до амбара и зашли в холл.

— Как-никак, мне всё равно нужно делать задания, — она скривила лицо в недовольстве.
— Завтра у меня учёба.

У Либруса возникла идея.

— Слушай... Как насчёт... Завтра тоже пойти прогуляться?

Она улыбнулась.

— Я согласна. Давай после третьего хора? У меня там уроки кончаются.

У Либруса схватило дыхание.

— Хорошо. Встретимся в амбаре?

— Да.

Они разошлись на лестнице. Она жила на этаже выше. Он не помнил, как дошёл до своей комнаты, замороженный воспоминаниями о сегодняшнем дне. Он лёг и не мог подумать, что день мог быть лучше или хуже... Хуже... «Кантор». С этой мыслью он подскочил и побежал к двери, а затем — на этаж выше. Дошёл до двери Кантора. Она была заперта. «Может, его ещё нет... Как я забыл...» Он постучал. Ответа не было. Ничего. Тишина. Только небольшой шум, исходящий из холла Вивы. Он постучал ещё раз. Было страшно. Было неловко. «Его, наверное, ещё нет... Он бы открыл...» Либрус спустился в холл и начал идти по нему. Много учеников сидели и чем-то занимались: кто-то совместно, кто-то отдельно. Кто-то покосился на него. Но нигде он не видел друга. «Может, он ещё с учёбы не вернулся».

Он снова спокойно поднялся в свою комнату. Сел на кровать. «Учёба...» Его взгляд упал на учебники на столе. «Ей понравились мои рассказы... Она посчитала забавным...» В нём снова загорелся огонёк и интерес. Тело будто само понесло его за стол, и руки открыли учебник на нужной теме. «Сейчас я всё выучу. Я буду ей рассказывать».

— Мысль хочешь? — проскрипел один голос.

Небольшое молчание.

— Давай, — прорычал второй.

— Если сложить то, сколько ты прожил на Земле... плюс то, сколько ты прожил здесь... то получится больше трёхсот лет. Забавно... Я смог посчитать... Прямо много. Причём... На Земле... Сколько ты прожил — совсем крупинцы. Хах. Но мысль не в этом. Забавно, что попытка жить там, внизу, обернулась заточением здесь. Ты ведь даже... не думаешь, что тебя ждёт после смерти. Ты... Ты просто пытаешься выжить. Иногда, конечно, ты задумывался... Но тебя отвлекали эти... все голоса. Эти... которые... не понимают, отчего ты делаешь то, что ты делаешь...

Послышался глухой рычащий смехок.

— Да... Очень глубокая мысль... — поддакнул третий голос.

— Как ты, например? Отвлекаешь меня от того, что я ничего не делаю? — спросил женский голос.

— Ах... — вздохнул голос. — Они только это и делают... Говорят, что... ты не так делаешь... Ты плохой... Ужасный... Ха.

— Помолчи... Пожалуйста, — перебило тихое рычание.

— Ага-а. Всё-таки неприятно, — посмеялся голос в ответ. — Неприятно... Значит, знакомо.

Молчание шло какое-то время.

— Будешь молчать? — проскрипел голос.

— А что ты хочешь услышать? — прорычал спокойно другой.

— Ну... Мне интересна твоя позиция насчёт этого.

— Я думаю, ты и так уже всё сказал.

- Да. Мне тоже кажется, что хорошо сказано, — третий голос.
— Хорошо сказано? — проскрипел первый. — Это ещё цветочки. Сам знаешь.
— Конечно, Ароган.
— Я говорил, меня так не называть! — проскрипел со раздражением голос.
— Прости...
— Чего тебе последнее время не нравится твоё имя? — спросил женский голос.
— Это не моё имя!
— Помолчите, — прорычал другой голос.

Кровать была мягкой. Солнце было греющим. Он не помнил, после какого времени он лёг, но он помнил, что он сделал почти всю домашнюю работу. Её, оказывается, было не так уж и много. Или она просто лёгкой была. Материал очень хорошо заходил в его голову, а интерес и мотивация ей рассказывать и быть интересным этот материал сохраняли там.

Сегодня у Либруса предвкушение прекрасного дня. После третьего хора он встречается с Фолиолай. «Может, сесть ещё почитать... Кантор». Он снова пошёл быстро до его комнаты. Хотел постучаться, но остановился на полпути. «Он же может быть на учёбе... Но может и не быть». Он не мог решиться постучаться. «А что сказать? Я не знаю, что сказать». Он опустил руку и уставился на дверь. «Что сказать... Деревянная... Как я забыл-то... Тут изгиб». В задумчивости он начал водить по ней пальцем. «Ладно, я потом... Встречусь с ним...» Он начал идти. Остановился на половине коридора. «Один раз постучусь». Дверь никто не открыл. Он немного выдохнул и пошёл к лестнице. Сел за стол в своей комнате. «Доделаю уроки пока». Но тема не поддавалась. Он старался запихнуть материал в голову так же, как вчера, но что-то отвлекало. Мысли были далеко не в уроках. В окно посмотреть. Ручкой порисовать в тетради. Походить по комнате и выглянуть несколько раз за дверь. Прислушаться к звукам жизни Вивы. Вот уже время подходит к концу третьего хора. Совсем немного осталось. Нужно что-то в задании написать. Он написал что-то и не запомнил. Мысли были далеко не в уроках. Встал перед зеркалом. Поправил тогу. Мысли были уже с ней. Он предвкушал и нервничал. Тёмные волосы лежали как обычно, на затылке небольшой хохолок. Он выдохнул и пошёл к лестнице. «Хоть бы не встретить Кантора», — что-то в голове промелькнуло, но быстро забылось, когда он увидел её и заговорил.

Они шли между викисимцев.

— Либрус, у тебя же учитель Авитус учит?

— Да.

— Ты не замечал за ним что-нибудь странное?

— Вроде нет.

— Хм. Сегодня была ссора между ним и ещё одним учителем.

— Что? Почему?

— Я не поняла, но речь вроде шла про его бывшего учителя. Что её методы обучения и его похожи... Это кому-то не нравится. И ещё твой учитель странно себя вёл. Я никогда таким не видела.

— Как он себя вёл?

— Как-то... Он был... злым.

Либрус задумался. «Я не помню, чтобы он себя так вёл».

— У тебя с ним всё хорошо? — спросила она, выведя из раздумья.

— Да... Он на самом деле очень добрый. Он ведь рассказывал мне эти истории. И с ним очень весело на самом деле. Иногда он бывает скучным... И мне это не нравится... Но он очень добрый. Как будто это был не он...

«Может, она с кем-то перепутала. Я видел, как Авитус общается с другими учителями... Он хорошо с ними общается...»

— Да, — подтвердила она. — Он мне однажды даже помог...

Либрус не мог дослушать. Он ощутил на себе какой-то взгляд. Взгляд, который будто начинал давить. Он начал оборачиваться. Не мог заметить чего-то подозрительного. К странному ощущению добавилось ещё чувство лёгкой грусти.

Он почувствовал мягкое касание.

— Либрус...

Он будто очнулся. Посмотрел на Фолиолю. Он почувствовал слезу на своей щеке.

— У тебя всё хорошо?

Волнение было видно на её лице. Он сам и не понял, что произошло.

— Эм... Да...

— Ты чего встал как вкопанный? Тебя не расшевелить было.

— Я не знаю... Извини...

— Точно всё хорошо?

— Да.

Либрус снова перед дверью Кантора. Она приоткрыта. Отлично, значит, Кантор в комнате. Но, подойдя чуть ближе, обнаружил, что свет не зажжён. Либрус заглянул в комнату и увидел Кантора, мирно спящего на своей кровати, хотя на него это было не совсем похоже. Может, устал после обучения. Они с ним так никуда и не сходили. Судя по тому, как крепко он спит, день у него был трудным. Либрус и сам много ходил с Фолиолей. Поэтому чувствует физическую усталость.

Он не стал будить Кантора. Уже собирался уходить, но в последний миг на столе Кантора что-то блеснуло. Заметив это, Либрус стал всматриваться в темноту. Глаза чуть привыкли, и он заметил, как что-то небольшое медленно и блёкло светилось и потухало на столе. Либрус подошёл поближе и увидел небольшой шар, на вид стеклянный, который легко помещался в руке. В нём что-то, похожее на ободранный иссохший чёрный лепесток, светилось голубым. А в тех местах, которые кажутся ободранными и треснутыми, выливался более синий цвет.

Глаза Либруса сначала непонимающе осматривали находку, но постепенно он начинал смотреть так, будто раньше ничего красивого не видел. Ему не хотелось отпускать эту штуку: что-то его расслабляло, он начал чувствовать небольшую усталость. «Какая тёплая...» — прервало от любования шевеление в кровати. Кантор, кажется, резко перевернулся на другой бок и начал что-то резко бормотать. Либрус вздрогнул от неожиданности, но пришёл в себя. Посмотрев на шарик, он встряхнул головой и положил на место. Уходя из комнаты, он обернулся. «Что же это такое и где он это взял? Кантор всё-таки сходил без него? Надо завтра спросить. Может, это он и хотел показать Либрусу?» Либрус тихонько закрыл дверь и ушёл в свою комнату. В руках чувствовалось всё ещё то тепло.

Спустя немного времени он лёг в свою кровать, но сон пока не шёл, и его голову захватили мысли о том, что же он видел в комнате своего друга. Он тоже захотел себе такую штуковину. Завтра он обязательно спросит об этом у Кантора.

— Либрус, как думаешь, это стоит моего терпения? — спросил Авитус с каким-то холодом, когда ученик к нему подошёл.

— Я... Думаю... — начал мямлить мальчик, всё ещё поправляя тогу.

— Думаешь, это... шутки? — увеличив тон, перебил учитель, строго и немного свысока посмотрев в его сторону.

Либрус от неожиданности вздрогнул и перестал поправляться. Увидев холодный, пронизывающий взгляд с какими-то жёлтыми оттенками, мальчик опустил голову. Порой взгляд Авитуса был таким острым, что, кажется, даже цветы начнут виновато погибать. По тону учителя было слышно, что ему явно начинают надоедать опоздания ученика. Либрус уснул очень поздно.

— Нет, — тихо ответил Либрус.

— Что же, мой ученик, — Авитус немного смягчил тон, — я не могу как-то на тебя повлиять. Значит, мне придётся ужесточить меры, как бы ты этого ни хотел. Я... Пытался... до тебя донести, — его тон начал грубеть. — Сегодня ты точно чему-нибудь научишься.

Учитель посмотрел на него. Либбусу стало не по себе от этого взгляда. В нём была вся строгость Авитуса и какой-то оранжевый огонёк.

— Твоя боевая тренировка начинается прямо сейчас. Вместо уроков ты будешь бегать вокруг Викисимы. Всё время, отведённое на уроки... ТЫ будешь бегать вокруг Викисимы.

— Что... Но... — Либбус было начал, спотыкаясь, перебивать, явно не ожидавший от учителя такого наказания.

— ВСЁ РАСЧИТАНО! — выпалил Авитус. — При твоих росте, весе и выносливости, которую мы натренировали, ты справишься примерно впритык, в два круга. — Его взгляд заострился.

— Учитель...

— Нет, — перебил. — Либбус, пора стать чуточку серьёзнее. Начинай бег.

Либбус не решался.

— Если ты сейчас не начнёшь бег, я увеличу нагрузку.

Либбус явно не мог поверить в сказанное учителем. В прошлые разы, когда Либбус опаздывал, Авитус заставлял его делать какие-то дополнительные упражнения на тренировках или переписывать учебник. Но чтобы так... Кажется, такое решение для Либбуса стало большим сюрпризом. Он всё же осмелился взглянуть в глаза учителя, но, поняв, что всё серьёзно, начал с лёгкого бега. В голове мальчика были разные мысли — «Это странно, но... ведь...». Больше он ничего не решался говорить Авитусу.

Авитус побежал за мальчиком, следом, не отставая и не давая мальчику останавливаться на передышку, изредка подгоняя. Бежать предстояло четыре часа.

Изнемождённый, но всё же живой, Либрус добежал последние несколько метров. Пока он бежал, он не понимал: то ли у него ноги трясутся, то ли поверхность под ногами. Тяжело дыша, он мельком взглянул на учителя, у которого даже небольшой отдышки нет. Мальчик уже чувствовал себя каким-то выжатым. Но сейчас Либруса больше интересовало, всё ещё ли он злится.

— Учитель... я... — виновато начал Либрус, не отдышавшись.

— Ты, Либрус, сейчас будешь восстанавливаться... — Он осмотрел небо и посмотрел на солнце, достал из-за пазухи какой-то предмет из круглой небольшой дощечки с делениями и иглы на её краю и поставил его на землю. — Двадцать делений вполне достаточно. Затем мы будем тренироваться с боевым шестом и без него ещё три хора.

— Но ведь я... — начал Либрус.

— Либрус, — перебив его, как-то резко дёрнулся и посмотрел холодно. — Явные проблемы... с дисциплиной... — Он поправил полностью запроваленную руку. — Которые мы пытаемся решить очень долго. Тебе нужно стать сильнее и дисциплинированнее, чтобы...

Учитель задумался. Встряхнул головой.

— Я позже скажу, зачем всё это нужно. Но сейчас тебе нужно над этим работать. И меня... И мне очень не нравится такое твоё отношение. Ты понимаешь?

— Да, — ответил неуверенно ученик, уже не отводя глаза от глаз учителя.

В них он заметил всё ту же строгость, которая была в начале дня. В них мелькал всё тот же оранжевый огонёк. Как будто что-то поменялось. «Двадцать делений же — это совсем мало!» — подумал он и сел перед прибором.

Мальчик сидел, восстанавливая силы и думая о произошедшем. Злость на учителя выветрилась в течение долгой «прогулки», и остались только виноватое чувство и мысль, что ему надо бы что-то сделать. Но что сделать? Ответ ясен, но уверенности он не придал. Добавил лишь ощущение, что что-то в груди сжимает.

— Либрус, пора. — послышался из-за спины голос, в котором чувствовался холод.

Либрус встал, повернулся к учителю, который уже начал уходить, и последовал за ним с поникшей головой.

— Учитель, — не очень решительно начал Либрус.

Учитель продолжал идти, не повернувшись и не ответив.

— Учитель... — ещё менее решительно снова сказал. — Простите... меня...

Авитус неожиданно остановился и простоял несколько секунд. Повернулся к мальчику и подошёл. Мальчик немного приподнял голову. Авитус присел на корточки и посмотрел ему в глаза. Либрус увидел тот добрый взгляд, который он, казалось бы, везде узнает.

— И ты меня прости, Либрус, — чуть улыбнувшись, сказал Авитус и положил руку на плечо мальчика. — Прости, что вот так резко, но теперь, надеюсь, ты понимаешь, что это чуть более серьёзно, чем ты можешь думать. Чтобы чего-то добиться, нужна хоть какая-то дисциплина. И это один из тех первых уроков, которые тебе помогут в дальнейшем. А также, если ты будешь сбегать снова, наказание будет жёстче. Ты меня понял, дорогой мой ученик?

— Понял, — ответил чуть грустно Лубирус, продолжая смотреть в глаза учителя. У мальчика начала наворачиваться слеза.

— Так, ну всё-всё, — чуть посмеялся учитель. — Не помню, чтобы я тебя учил плакать. Иди сюда.

Для мальчика было совершенно неожиданно, что учитель его обнял. Это было приятно. Лубирус ощутил облегчение. «Я буду стараться».

— Как себя чувствуешь? Нигде не жмёт, не болит?

— Ну... Я не знаю... Чувствую себя уже как-то... не очень... устало... А как вы... так спокойно пробежали?

— Тайна общества, — улыбнулся учитель. — Давай немного тебе помогу.

Он положил мальчику правую руку на плечо. Мягко выдохнул. Мальчик почувствовал небольшой прилив. Дышать стало легче. Ноги стали не такими тяжёлыми, и двигаться стало свободнее.

— Ну как?

Лубирус с небольшим непониманием и удивлением посмотрел на Авитуса.

— Мне уже лучше. Как вы это сделали?!

— Не знаю. Всегда так умел, — Авитус улыбнулся.

— А вы меня научите?

— Пока что не могу. Тебе... Рано ещё...

— Вау! Я когда бежал, думал, что опять умру.

Учитель улыбнулся и сказал:

— Ну, если будешь столько же тренироваться, как я... Будешь, ну... приблизительно как я, наверное, — улыбнулся ещё шире. — Ладно, а сейчас я хочу затронуть вчерашнюю тему — каналы. Ты присядь-ка. Отдохнём ещё немного.

Лубирус сел, и учитель резко упал на своё мягкое место рядом с ним. Авитус чуть было не открыл рот.

— Мне уже Кантор всё рассказал, — резко перебил его ученик.

— Ого. И что же он тебе... рассказал?

Либрус пересказал слова Кантора. Учитель немного напрягся.

— Вот оно, значит, как... В принципе, рассказал он тебе всё верно. Крики там... бывают. Исходят они... из ада, — говорил он с каким-то сомнением. — Если ты вдруг снова найдёшь какой-то открытый люк, что вряд ли, не смей туда лезть. Тем более у тебя уже есть аргумент за то, чтобы туда не лезть, — пошутил учитель. — Не знаю, как ты туда залез и как ты вылез, но при первом могло не случиться второго, и ты мог там потеряться, — учитель задумался. — Видимо, давно не обновляли заговоры на эти люки, и старые начали слабеть. В любом случае у тебя могут быть проблемы, если это повторится. У нас могут быть проблемы. Вчера нам повезло: особых наблюдений за ними не было, что тоже исключение. По тому люку, в который ты влез, я уже передал информацию, и его уже не открыть.

Либрус повернулся к учителю.

— А что вы делали с тем люком, из которого я вылез?

— Я провёл заговор закрытия.

— Вы говорили непонятными словами.

— Да. Это один из ранних викисимских заговоров, и язык тоже ранний.

— А что это означало?

— Точнее, как переводилось?

Либрус кивнул. Учитель как-то непонятно вдохнул воздух.

— Ну, дословно: «Сделайся тяжелее десяти, дабы по одному было неудобно открывать».

— Вы сделали ту крышку тяжелее? — удивлённо спросил ученик.

— Да, Либрус. Чтобы сделать больше, нужно и вложиться больше, а у нас времени не было.

Они посидели и помолчали. Авитус глубоко вздохнул.

— Значит, так. Ты всё понял, что я тебе сказал про тоннели? — спросил Авитус с наигранным подозрением.

— Да, — немного виновато ответил ученик.

— ОТЛИЧНО! — неожиданно громко добавил учитель, увеличив свою улыбку. Либрус вздрогнул.

— Ученик мой, у нас ещё впереди тренировка. И даже не пытайся сбежать. Никто за тебя твоё наказание обрабатывать не собирается, — с подозрительным прищуром добавил он. — К тому же ты взрослеешь и становишься крепче. Пора переходить к тренировкам посерьёзнее. Пойдём быстрее, я тебе пару финтов показать хочу.

Учитель также резко встал и радостно зашагал вперёд, поправляя свою заправленную рубашку.

Либрус измученно опустил голову, встал как увалень, что-то промямлив себе под нос, и поплелся за учителем.

«Сколько можно... Сейчас ноги взорвутся», — подумал Либрус, стоя в полуприседе. Его ноги согнуты почти на девяносто градусов. Мальчик сбился со счёта. Сколько он так стоит, ему уже неизвестно. Бедра горели, жгли, и это не давало сосредоточиться, сбивало мысли. Накопилось раздражение, и хотелось поскорее его выплеснуть. До этого он и близко так долго не стоял. Учитель, приняв ту же стойку, стоял чуть поодаль и что-то писал в своей книжечке, иногда посматривая в сторону Либруса. Он часто что-то пишет. Простояв так ещё некоторое время, Авитус закрыл свой учебничек, высказал:

— Встаём. Трясём ноги.

Либрус не смог разогнуться, а только завалился на заднее место.

— Команды лежать не было, молодой человек.

— Да я опять устал, — немного зло прозвучал ответ. — Вы ещё со своей... стойкой всадника.

— Она укрепляет не только выносливость, но и терпение. Давай, вставай. Но Либрус продолжал лежать и тереть ноги.

— Либрус, встань, — слышалась строгость в голосе.

Либрус глянул на учителя. Снова заметил от него какой-то сторонний холодный взгляд. Он начал вставать и увидел, что к ним приближается какая-то фигура. Очень похожая на учителя Кантора. «Всё-таки это он».

— Приветствую ещё раз, молодые. Смотрю, Либрус, всё-таки наказали, — кивнул мужчина в сторону мальчика. Слышалась надменность.

«Ну конечно! Как без этого?» — закатил глаза Либрус, поднимаясь.

— Да не сказать, что наказали. Предупредили, — спокойно ответил за мальчика Авитус. — Ты, я смотрю, ко мне пожаловал?

— Верно, Авитус. Хочу сообщить тебе кое-что, — взгляд мелькнул на Либрусе и вернулся на учителя. — Давай отойдём.

— Как скажешь, дружище. Так, Либрус, сначала дыхание, потом бери шест и начинай проделывать диагональный выпад. Пойдём, Когит.

Мальчик сделал, как сказал учитель. Силы то убавлялись, то прибавлялись. Мальчик принял стойку: ноги ровно, руки перед собой. Вдох — руки ладонями к себе. Он пытался прислушаться, о чём они говорили.

— Эти... повторяться...

— Выдох — руки ладонями от себя и разводить.

— Думаешь... Они же не должны...

— Не знаю, о чём они думают...

Снова вдох, снова выдох. Мальчик потихоньку отдыхает. «Так бы всё время стоял. А не эти ваши палки». Он открыл глаза и увидел чуть вдалеке учителя Авитуса, что-то бурно обсуждающего с учителем Когитом. Плохо было слышно, но они были взволнованы. Лицо учителя было в смещении непонимания и возмущения. После ещё нескольких вдохов-выдохов мальчик взял шест. Прокрутил вокруг себя. «Чуть получше». Прокрутил ещё раз и ещё.

— Либрус! Диагональный выпад! Пятьдесят раз! — крикнул Авитус.

Либрус выдохнул, закатив глаза. Один выпад. Второй. Третий. Четыре.

После тридцати семи выпадов он заметил своего учителя, идущего задумчиво обратно.

— О чём задумались?

— Ничего такого, — так же задумчиво выдохнул ответ. — Сколько уже сделал?

— Тридцать девять.

— Нормально. Продолжай.

Тренировка окончена. После неё учитель задержал Либруса на небольшой разговор. Авитус говорил спокойно и иногда шутил, и Либрусу от этого стало ещё легче. Мальчик общался с учителем достаточно долго.

— А вы можете ещё раз так сделать?

— Как?

— Ну, чтобы энергия появилась.

Авитус задумался. Его зрачки медленно оглядели Либруса и устали в пол. Словно он что-то вспоминал.

— Нет, — сказал он кратко.

— Почему?

— Просто... нельзя это делать слишком часто.

— Почему?

— Так, ну всё, Либрус, тебя ждёт постель в твоей комнате, — начал улыбаться Авитус.
— Поверь мне, она намного приятнее, чем рассказы о моих экспедициях и обсуждения того, что могу, а чего не могу. И, к сожалению, тебя проводить сегодня я не смогу, боец.

— Ну, учитель, Авитус... — сокрушённо произнёс мальчик. — Я тоже хочу понять, как это делается.

— Нет, Либрус. Точно не сегодня. Потом... Когда ты будешь готов. Я тебе всё расскажу.

— Ну, учитель...

— Либрус, хочешь, чтобы я тебе добавил ещё круг по Викисиме? — начал улыбаться Авитус.

Мальчик нахмурился. Неудовлетворение металось по всему телу, но спорить оказалось рискованно.

— Хе-хе. Хорошего понемногу, боец, — снисходительный взгляд.

«Поэтому вы мучаете меня уроками и тренировками...» — пронеслось в голове Либруса.

Они попрощались, и Либрус поплёлся до амбара. По дороге он всё так же шёл мимо уже начинавшего садиться солнца. «Да уж». Он чувствовал облегчение. «Учитель не злится». Остановился. Вдохнул полной грудью. «В следующий раз вовремя приду». Свободный вечер.

Выйдя с набережной, он почувствовал, как его ноги начали трястись снова. «Это не мои ноги», — подумал он и остановился. Это трясётся земля под ними. Вибрация была не слишком сильная. Скорее всего, он её не почувствовал бы, если бы снова бежал. Он попробовал идти. Вибрация продолжала ощущаться. Снова остановился. В груди были смешанные чувства. Кто-то из викисимцев это тоже почувствовал и остановился. Спустя ещё несколько мгновений она прекратилась.

Вскоре он доковылял до дома, похожего на амбар. В холле сидели несколько из учеников. Они перешёптывались, и кто-то посмотрел в его сторону. Опять покосившийся взгляд. Либрус, заметив это, остановился и, сам того не заметив, зрачками смотрел на компанию. В голове кружилось непонимание. Попытка уловить суть разговора оборвалась.

— Ты чего смотришь? — послышался беспокойный вопрос из компании.

Либбусу было нечего ответить. Немного испугавшись, он быстро пошагал дальше.

До своей комнаты он шёл, крутя эту ситуацию в голове. Зашёл в комнату, закрылся и стоял около двери ещё какое-то время, не понимая, что было не так. Тихонько плёлся к кровати. Кстати, по пути он не видел Кантора, хотя в это время он обычно сидит в главном зале и что-то читает. И тут он снова вспомнил, что они должны были встретиться около библиотеки в тот день. Он уже лёг. Хоть его и посетило чувство, будто не сбылось то, что он очень долго хотел, вставать с кровати он не стал. Он был слишком уставшим. Его тело отказывалось двигаться. Тренировка шла дольше, чем обычно. Он решил, что сходит к Кантору после того, как отдохнёт. Ещё только середина солнца зашла за горизонт, так что есть время насладиться концом мучительного дня.

Либрус не заметил, как уснул. Стук. Проснувшись в темноте комнаты, он сел, пытаясь понять, что стучало. За окном на улице была ночь, но не такая глубокая. Посмотрев на дверь, он увидел, что под ней что-то лежит. Взгляд не мог проясниться. Он встал и пошёл. Это была неаккуратно завернутая бумажка. Развернув её, он прочитал.

«Ученик чудовища»

Слова не вязались в голове Либруса никаким образом. Он посмотрел на дверь и прислушался. Снаружи было тихо. С небольшим страхом взялся за ручку и потянул. В коридоре была почти непроницаемая тишина. Даже из холла никого не было слышно.

Взглянув на записку, он начал думать о тех взглядах. Закрыв дверь, он снова направился к кровати. Аккуратно сел на неё, не отводя взгляда от записки. Взгляд невольно скопился в сторону. «Что значит „чудовища“?» — крутилось у него в голове. «Учитель Авитус?» В нём начало появляться небольшое раздражение. «Чудовище?» Ему хотелось что-то ответить. Кому-то ответить. Но... «Кто это написал?» Он вспомнил Секруса, который толкнул Кантора в холле. Других вариантов у него не было.

«Может, кто-то другой? Почему „чудовища“? Или Секрус? Может... Шутка чья-то?» Параллельно Либрус прислушивался к звукам за дверью, но там всё это время было тихо. Он уже лежал в ожидании, что кто-то может постучаться ещё раз. «Может, ошиблись». Веки потихоньку начали закрываться. Мысли расплываются. Тревога проходит.

На следующее утро Либрус всё-таки смог встать и прийти вовремя к учителю на урок. Мальчик чувствовал себя странно. Учитель продолжал рассказывать о свойствах оболочки души и её рождении, а Либрус думал над смыслом записки, на автомате что-то чиркая в тетради.

— Либрус, ты слышишь?

Голова мальчика резко дёрнулась в сторону учителя.

— Ты слышал, что я сказал?

Мальчик боялся что-то ответить. Он не слушал непонятно какое количество урока.

Авитус вздохнул и с негодованием в голосе сказал:

— Через 5 дней будет тест по этой теме.

Чувствуя свою вину, мальчик протестовать не стал. Но нахмурился.

Заметив это, учитель сказал:

— Понимаю твоё негодование, Либрус, но он не такой сложный. Там нет ничего, что мы не проходили. Тем более вопросов там будет не так много. И он интересный... Тебе понравится. — Авитус скривил какую-то улыбку и продолжил чтение лекции.

В голове на этот момент была лишь одна мысль: «Сказать или нет?» Либрус хоть и сделал почти всё домашнее задание, сейчас он из теории мало что помнил. Зачастую с теорией было ему сложно справиться, и, бывало, просиживал целый день за столом, играясь с принадлежностями для учёбы, думая о чём-то другом, вспоминая рассказы учителя об экспедициях в Поднебесную. «А вдруг он пойдёт разбираться...» Иногда к нему заходил Кантор, и они беседовали и что-то придумывали. Лишь под вечер Либрус осознавал, что он сделал ещё только меньше половины, и сел делать с горем пополам, а учитель на следующий день пол-урока его заставляет исправлять то, что он написал. «Я не могу сказать...»

В течение урока его мысли потихоньку переключились на Кантора. Вспоминал Фолиолю. Милою Фолиолю. Он посмотрел на небо и подумал...

«Обучение на этот день вроде бы должно было закончиться». Он посмотрел на учителя в ожидании, но Авитус продолжал чтение. Предвкушение послеурочной свободы сменилось какими-то сомнениями. Он взгляделся в учителя, но как-то перестал слушать, что тот говорит. Может, это тоже какое-то наказание? Но учитель не предупреждал. Мальчик побаивался что-либо спросить. Через некоторое время Либрус чуть было не открыл рот, но поднял руку.

— Да, Либрус? — послышался холодный вопрос.

«Что-то не так?»

— Учитель, вроде как время уже... — с сомнением начал говорить Либрус.

— Точно. Я просто подумал дать тебе больше материала для теста. Ты же не хочешь его провалить? — спокойно, но с какой-то надменностью прозвучал ответ.

Мальчику не нашлось что ответить.

— Давай повторим, что мы сегодня прошли, и я тебя отпущу.

У Либруса что-то зажалось в груди. «Что мы сегодня прошли?»

— Расскажи мне все этапы очищения души.

Началась паника.

— Но... — начал мямлить Либрус. — Там ведь разные методы очищения.

— Соглашусь, — произнёс учитель, глядя в учебник. — Но они разные в рамках лишь нескольких этапов. А я хочу услышать все этапы в целом, — посмотрел на Либруса исподлобья.

Паника завладела им. Он молчал непонятно сколько времени. Взгляд опустился на ручку.

— Либрус, — учитель посмотрел на своего ученика более чётко. Начал снова чувствовать холод. Острый взгляд. Оранжевый огонь в них. Ему не показалось. Они действительно были странного цвета — оранжевого.

— Либрус! — повысил голос учитель.

— Я... — поднял голову. — Не помню.

Страх начал завладевать им.

— Хм... Не помнишь... — его тон был холоден.

Авитус отвернулся. Либрус чуть-чуть глянул на него.

— Не помнишь... — повторил учитель снова, таким же холодным тоном. Слышно, как он дышал. Было заметно, как он встряхнул голову.

— Ладно, — его голос немного вздрогнул. — Так... — он немного кашлянул. — Кхм, сейчас я тебя отпускаю, но... — он помолчал какое-то время. — Ты всё записал, что я тебя просил?

— Э-э... Да.

«Хоть бы он не проверил».

— Хорошо... Ступай, и прошу тебя, — он повернулся к мальчику. — Повтори всё, что мы прошли на этом уроке и на нескольких предыдущих. Понял?

— Да. Эм... — мальчик замялся. — Учитель...

— Либрус... — перебил он повышенным тоном. — Иди. Сегодня у меня не так много времени на беседы.

— Хорошо. Хорошего вечера вам.

— Да, Либрус, и тебе, — как-то отдалённо прозвучал ответ.

Мальчик медленно пошёл к амбару, отдаляясь от учителя. «Что с учителем?»

Он шёл по тротуару, думая, что это было на уроке, и заглядываясь на высокие и не такие высокие дома. Многие были белыми, но некоторые были украшены разными жёлтыми вставками: где-то на крыше, где-то на окнах, где-то на стене блестят жёлтые узоры и линии, которые вечером превращаются в полосы и узоры света. «Он разозлился? Я думал, он меня накажет, но...» Некоторые здания были с редкими окнами, как один высокий мраморный блок. Выглядит впечатляюще. «Что было с его глазами? Они вроде не всегда были такими... оранжевыми». В голову пришла надпись из записки. «Был каким-то... злым», — вспомнился голос Фолиола. Проходя перекрёсток дорог, Либрус заметил по пути одной из дорог вдалеке высокие башни какого-то собора, который украшен разными статуями и вырезами на стенах. Это были величественные покои Заветов. Заветы управляют Викисимой.

Мальчик дошёл до вивы. Было тихо. Присев, он ощутил мягкость сидения. Из-за угла вышла какая-то компания учеников. Увидев Либруса, они замолчали. Мальчик заметил, что они остановились. Смотрели на него. Их разделяло около пятнадцати шагов. Мальчик смотрел в ответ. В груди было смешение чувств. Мальчик ожидал какой-то реакции, какого-то слова. Но ничего не происходило.

— Вы чего, ребят? — Мальчику хотелось вжаться в сидение.

В холл ещё кто-то зашёл. Один из ребят оглянулся на входящего и стукнул другого по плечу. Они начали движение в сторону выхода. Сначала один, потом два, потом все остальные.

Входящий была чья-то учительница. «Что это все...» Ладони вжаты в ручки сидения. Указательный палец правой руки будто пытался выковырять дырку. Мысли вперемешку. Он словно пытался почувствовать ручки сидения всеми ладонями. В голове будто начало что-то гудеть.

— Бу! — вырвала из раздумья его Фолиола.

Либрус действительно испугался, но выдохнул. Её руки лежали на правом плече, и он чувствовал их тепло.

— Ах ты... Я тебя сам потом напугаю.

— Ну попробуй-попробуй, — улыбалась она. — Ты чего такой грустный сидишь?

Мальчику показалось это стыдным говорить.

— С чего ты... взяла? Я не грустный.

Фолиола смотрела на него своими голубыми глазами.

— Ты грустный.

— Да не грустный я.

— Грустный.

— Нет.

Молчание. Либрусу стало неловко. Фолиола продолжала смотреть на него.

— Грустный.

Мальчик посмотрел на неё и спустя пару мгновений вздохнул. Сел обратно.

— Я... просто не понимаю.

— Чего не понимаешь?

— Почему все так смотрят на меня.

Снова молчание, которое продлилось несколько мгновений.

— Может... потому что ты красивый? — улыбнулась она и чуть неловко толкнула его плечом.

Мальчик хмыкнул и продолжил смотреться на теребящиеся между собой руки.

— Может, погуляем?

Мальчик, немного подумав, хмыкнул что-то утвердительное.

Они шли. Шли. Ещё шли. Диалог начал клеиться сам собой. Напряжение в голове отпустило. «Нормально. Нет. Да. Наверное», — отвечал мальчик на вопросы девочки, смотря по сторонам. Потом зашла тема, и Либрус сам начал задавать вопросы, лишь изредка оглядываясь на викисимцев. Они прошли мимо библиотеки, мимо парка, мимо тёмного переулочка. Либрус и не заметил, как наступил вечер. Они вернулись в Виву и сидели, болтали ни о чём на мягких креслах. Иногда толкали друг друга. Иногда обзывали. Фолиола иногда уводила взгляд в сторону. Но улыбки почти не сходили с их лиц. Лишь в моменты тишины. Тишины приятной и будто привычной.

На лестнице они обнялись. Крепко. Будто прилипнув друг к другу. Либрус отвесил какую-то шутку на прощание, а Фолиола его легонько стукнула, и они разошлись.

Придя в комнату, он прошёл мимо зеркала и заметил свой уверенный профиль. Снял тогу и улёгся. Положил руку под подушку и вспоминал прогулку ещё некоторое время, пока не уснул.

На следующее утро урок прошёл в целом как обычно. Учитель Авитус особо ни о чём не спрашивал. Лишь рассказывал. И рассказывал. Мальчик слушал и пытался записывать. Иногда не успевал и говорил учителю. Тот останавливался. Продолжал. Урок окончился.

— Тренировки не будет? — переспросил мальчик, вдохновлённый новостью.

— Да, Либрус. Появились неотложные дела.

— А... чем вы будете заниматься? — спросил осторожно.

Учитель молчал. Мальчик, подумав, что тот не ответит, опустил голову.

— Нужно... с Когитом решить пару вопросов, — всё-таки ответил, собирая вещи. —

Обсудить, решить, сделать... выводы.

— Хм...

Спрашивать дальше он не стал.

— А может... мы... сможем завтра после урока прогуляться? — спросил с надеждой мальчик.

— Пока не известно, Либрус.

— Хм...

Учитель попрощался. В таком же тоне, в котором шёл весь диалог. Мальчик утвердительно ответил, и они разошлись на выходе из парка.

Снова ощущение тяжести в груди. Какая-то злость. Что-то сжимает. Что-то будто ударило и теперь болит. Он не хотел долго идти по улицам до амбара и решил сократить через переулок.

Пройдя глубже в узкой улочке, он заметил двух викисимцев. Один сидел, сложив руки на коленях и упревая в них лицо. Второй была женщина, которая оперлась спиной о стену и смотрела вверх. Её лицо было какое-то измученное. Эти викисимцы выглядели так, будто их кто-то избил и они провалялись в грязной канаве несколько лет. Тощие, с облезлой серой или даже очень бледной кожей, с какими-то трещинами на ней, на лице, на руках. На мальчика они не обратили никакого внимания, и он решил пройти мимо. Но остановился. Оглянулся. Смотрел какое-то время в нерешительности. Надо ли что-то сделать?

— С вами всё хорошо? — спросил он тихонько.

Ответа не поступило.

— Может вам...

— Ничего... Совсем ничего... Совсем ничего... — перебило мальчика бормотание женщины.

Мальчик заметил, что белый дом, рядом с которым викисимцы находились, не такой уж и белый. Снизу стена была покрыта тёмными, если не чёрными, потрескавшимися пятнами, расходящимися за их спинами. Самое большое пятно находилось прямо за ними. Мальчик никогда такого не видел. Но и на его памяти в Викисиме в принципе такого не было.

— Вы меня слышите?

На этот раз девушка повернула к нему зрачки и расширила веки. Она смотрела. Смотрела пронизательно. У неё был приоткрыт рот. Зрачки тоже были бледными. Либрус не стал больше ничего говорить. В груди что-то говорило, что надо отойти. Она отодвинула зрачки обратно и снова уставилась то ли в небо, то ли на противоположное здание. Мужчина рядом вообще никак не реагировал. Мальчик стал, колеблясь, уходить. «Что с ними такое? Что с их кожей? Куда она смотрит? Там же ничего совсем нет». Он всё-таки поспешил выйти из этого коридора. Его пробрало. Он шёл дальше, не оборачиваясь. «Это слишком странно».

«Ещё и контрольная через три дня уже. Если не сдам... может быть плохо», — подумал он и понял, что ему не помешало бы наконец сесть за учебники. А с Кантором снова придётся встретиться чуть позже, если, конечно, вообще получится.

Прибыв в «Амбар», Либрус начал сразу думать о том, чтобы сесть за учебники, но опять вспомнил про Кантора, которого уже какой день не видит бодрствующим. Обычно он общается с учениками в главном зале, правда... У него это плохо получается. Либрус решил снова попробовать навестить того.

Поднявшись на этаж выше... Опять запертая дверь. В последний раз Кантор запирался так долго, когда он хотел устроить Либрусу сюрприз. Сюрприз тогда удался. Кантор подарил ему рогатку, которую смастерил из своих старых сломанных очков. А их у него было немало. Но после пары применений им здорово попало от учителей. Давно было. Накатила грусть, вспоминая это.

Либрус постучался:

— Кантор, ты тут?

Ответа не последовало. Может, опять спит. Либрус постучал ещё несколько раз, но ответа не поступило. Он бросил попытки и пошёл в свою комнату.

«Ещё много времени. Можно полежать». Он улётся, но в мысли ему сразу запала контрольная. Немного полежав, он с неохотой и громким вздохом поднялся, уселся на стул и взял первый попавшийся учебник.

Просидев один хор, он понял, что понять ему удалось не многое. Он всё вспоминал про сферу, которую увидел у Кантора. Руки вспомнили тепло. Сейчас бы он попрыгал с облачного утёса. Посмотрев на кровать, Либрусу захотелось лечь. Не сразу, но он отставил эти мысли и снова уткнулся в учебник. Там так много информации, и какую именно его спросит учитель, Либрус не мог понять. Ведь он не будет спрашивать всё подряд. Да и он столько не запомнит.

Просидев ещё с полхора, Либрус обнаружил: в коридоре за дверью как-то тихо, лишь редкие шаги. Дело близится к вечеру, к закату. «Может, Кантор уже пришёл?» Он вышел за дверь и снова поднялся к комнате друга. Никого и ничего — дверь заперта, всё ещё. «Может, снизу?» Либрус спустился в главный зал, в котором сидело много учеников. Он прошелся, осмотрелся, но нигде так и не заметил своего друга. Станный взгляд... Показалось. Никто не смотрел в его сторону.

Мальчик решил пройтись, прогуляться, пока Виву не закрыли на ночь.

Шел к выходу. «Ученик чудовища», — послышалось за спиной. Он повернулся. Взгляд активно бегал по всем, кто находился в холле. «Показалось?» Пальцы на руках начали тереться друг о друга. Он начал переступаться на месте. Быстро повернулся и вышел из Вивы.

На улице было много викисимцев. «Показалось или нет... Показалось или нет...» Все гуляли после рабочего дня. «Чей был голос?» Солнце садилось, отливая на дома оранжевый свет. Все ходили не спеша. Один мальчик куда-то торопился. Вдруг резко остановился — в него чуть не врезались.

— Извините, пожалуйста, — он оглянулся. Начал смотреть вокруг.

Он понял, где он. «Так быстро ушёл от Амбара». Он ещё долго стоял, не решаясь куда-то пойти. Выбирал сторону.

«Что же это были за викисимцы? Чудовища... Может, снова сходить проверить?» — пришла в голову мысль. Он направился к тому переулку. Идти было недалеко. Мальчик знал почти всю Викисиму. Точнее, тот огромный уровень, на котором он жил.

Дошёл до нужного угла и начал осторожно высматривать. Осторожно прошёл чуть глубже, но увидел одно лишь большое чёрное пятно. Викисимцев не было. Он подошёл к пятну чуть ближе. В середине были трещины. Либрус захотел потрогать.

— Лучше не подходи ближе, — послышался какой-то голос позади.

Либрус отпрянул в испуге. Это был худой, лысоватый и староватый викисимец. С прикрытыми глазами. Веки западали на них так, что не особо было видно, какого они цвета. Он был обмотан в тогу так, что ни одной части тела, кроме головы, видно не было. Как он его не заметил?

— Лучше не подходи ближе, — сказал он, хмыкнув.

— Что это такое?

— Это... почернение, как ты видишь.

— А почему трогать нельзя?

— Аура может перекинуться на тебя. Это чужеродная аура. Не от создателей. Если ты до неё дотронешься... то есть риск, что... Потеряешься, в общем, мальчик.

— Потеряюсь? Как они?

— Да.

— А где они... ну... викисимцы, которые здесь были?

Задумавшись, худой викисимец не сразу ответил.

— Если ты про «мутных», их стражи увели.

— Что с ними?

— Они как раз поддались этой ауре. Ты себя хорошо чувствуешь?

— Вроде да...

— Вот и славно. Просто она ещё... Впрочем, ничего. Не прими за грубость, но сейчас нужно, чтобы ты ушёл отсюда. Сейчас придут стражи и начнут делать экспертизу. Ты можешь помешать.

— А что будет с теми викисимцами?

— Их будут исследовать и выверять более точную причину недуга.

Из-за угла послышались шаги. Либрус обернулся на звук и увидел несколько фигур. Их лица, и в принципе головы, были аккуратно обмотаны белой тканью. Были видны только глаза. В одном из глаз у каждого вместо зрачков была какая-то фигура, но разглядеть не получалось. На самой ткани были нарисованы тёмно-жёлтым узоры из кругов, точек и ромбиков. Они показались Либрусу необычными. Он вообще почти стражей не видел. Только вдалеке, около покоев Новых Заветов. И то, они редко выходят за пределы покоев. Их тоги были намотаны очень плотно, за счёт чего их тонкие фигуры казались ещё тоньше. Кожа была бледноватой. На руках в некоторых местах были такие же узоры, как на их платках на голове. Они шли невозмутимо, изредка шевеля глазами.

— Кажется, молодёжь, вам уже пора. Было приятно поговорить. Надеюсь, встретимся вновь, — обратился к мальчику худоватый викисимец.

— Да. Хорошего вам вечера, — бодро попрощался Либрус.

— И тебе не хворать, — весёлый ответ.

Либрус потопал обратно. Но солнце уже садилось. Скоро виву закроют — надо торопиться. На улицах уже не так много людей. Становится тише и тише. На горизонте отливало лишь мягкое тёмно-оранжевое зарево. Перед входом в виву Либрус стоял некоторое время. Нерешительность не давала двигаться дальше. Быстрым шагом он прошёл через холл и взбежал по лестнице. На ней остановился, прислушиваясь к разговорам в холле. Чуть выдохнул, пошёл снова к другу.

Дверь Кантора всё ещё закрыта. Непривычно было не слышать его звонкий голос в главном зале. «Ну и скукотища». Ему стало грустновато.

С другими учениками ему общаться не особо хотелось. Без Кантора — как без настроення. «А где Фолиола? Я ведь даже не знаю, где её комната».

Он чуть спустился по лестнице, выглянул и всмотрелся в холл. Вон Игнис с Кригом общаются, сидят. Только что мимо прошёл Нубис, один из старших здесь учеников. Витрум сидит за столом, что-то пишет: наверное, домашнее задание. «Мне же тоже надо к тесту готовиться. Да что бы его...»

— Не собираюсь я туда возвращаться, — перебил размышления раздражённый крик Лаписа с другой стороны зала. Он перестал выглядывать и сел на лестнице на повороте.

— Привет! — вдруг неожиданно перед ним оказалась Фолиола.

— А... Привет, — заколебался Либрус.

Её глаза, голубые, смотрели на него. Либрус будто начал подлетать.

— Ты чего такой... здесь сидишь?

— Я... — не знал, что вообще и говорить. — Я не понимаю, где Кантор, и с учителем как будто бы действительно что-то происходит. Кантора я уже день четвёртый или не знаю какой не вижу. А учитель... Он стал каким-то... непонятным.

Она слушала его с досадой на лице.

— Слушай... Может, тогда я видела не Авитуса, — резко сказала она.

Он посмотрел на неё с небольшой надеждой.

— И Кантора я видела.

— Где? Когда? — оживился Либрус.

— Около фонтана на соседней улице вчера.

Либрус снова поник. Она подошла ближе и села рядом. Прислонилась плечом. Дыхание чуть участилось. Приятно. Очень.

— Мне учитель однажды просто сказала: «Всё будет хорошо», — и я в это поверила, и... Правда, стало всё хорошо.

Либрус начал ощущать небольшое облегчение. Пальцы перестали друг друга дёргать. Он колебался. Он осмелился чуть приобнять её. Его дыхание стало спокойнее.

— Хочешь сыграть в «Ров и небо»? — спросила она вдруг.

— Эм... Я не умею, — улыбнулся он.

— Я научу.

— Давай.

— Пойдём в комнату. Тут шумно, — она потянула его за руку.

Неожиданно. Он поддался. Она резво поднималась по лестнице, и он смог за ней поспеть. Её дверь находилась в самом конце коридора на этаже, где жил Кантор. Фолиола затаскивает его в комнату и сажает на кровать.

— Посиди пока.

Она зажгла свет. В комнате у неё были некоторые вещи разбросаны. Будто кто-то в спешке уходил. На столе напротив окна лежали разные принадлежности для учёбы, для рисования и... Либрус не мог понять, для чего ещё. Вообще Либрус будто оказался в своей комнате, только в более прибранной.

Она покопалась в ящиках под столом, достала бумагу и два карандаша. Достала несколько камушков, на которых были краской отмечены разные цвета. Села рядом с Либрусом и положила вещи.

— Слушай.

И он начал слушать. Он пытался запоминать каждую деталь. Иногда засматривался на Фолиола и переспрашивал. Задавал вопросы. И они начали играть. И он чувствовал, что ему надо выиграть. Но он проиграл и почувствовал, что ничего страшного. И они сыграли ещё раз, и она снова начала выигрывать. Он начал ей в шутку мешать. Она мешала ему. Всё поле для игры сбилось. Он начал её щекотать. И оказалось, что он тоже боится щекотки. Он нечаянно свалился на пол, и она свалилась на него. Они обнялись и пролежали очень долго.

Затем она проводила его до лестницы. Они держались за руки. Обнялись и не хотели расходиться. Но позже они встретятся ещё.

— Здравствуйте, учитель, — радостно поприветствовал мальчик, придя на утренний урок.

— Приветствую, — сказал учитель, не повернувшись.

— Сегодня будет что-то новое?

— Нет. Повторение старой темы и небольшой тест.

— Но вы сказали, что тест будет через пять дней, — возмутился ученик.

«Что ещё за напасть?»

— Это предварительный.

— Вы не предупреждали!

— А ты, видимо, не готовишься? — свысока спросил учитель.

— Ну... готовился... но...

Небольшое молчание.

— Что «но», Либрус? — также с холодом.

— Ничего, — замялся мальчик.

— Славно. 15 делений на повторение, — учитель достал тот самый прибор с иглой и поставил перед Либрусом.

Мальчику не могло в голову прийти, что происходит. Он был в замешательстве.

— Сегодня у нас ещё тренировка, — добавил Авитус через какое-то время.

— Ага.

Время шло. Пальцы царапали ладонь. «Что открывать? Что повторять?»

— Всё, Либрус, закрывай учебник и давай его сюда.

Мальчик послушался.

— На тест тебе 30 делений.

Мальчик посмотрел на вопросы, написанные учителем от руки. Их было 20.

— Но 30 делений — это же мало, — возмутился он.

— Ты же всё очень хорошо слушал на моих уроках. И определённо что-то подготовил за эти два дня.

Мальчик не мог возмутиться более, хоть и слушал на уроках он так себе. Да и готовиться было не так уж и легко. «Он никогда так не делал». Обида начала появляться в мальчике. «Но я ведь не слушал почти». Либрус начал отвечать на вопросы.

— Ужасно, Либрус. Ужасно... Ты хоть чему-то учишься?

— Да, — виновато сказал Либрус.

— Вижу... что нет. Интересно... Кажется, я здесь только ради твоей забавы, — Авитус потёр виски.

— Нет, — пробубнил мальчик запнувшимся голосом.

— Нет... Ты не ответил почти на половину вопросов, — дыхание Авитуса стало глубже. — Тренируемся весь вечер. После урока. Весь урок ты будешь учить параграф и пересказывать.

«ЧТО?!» Либрус услышал тот же холод, как когда учитель заставил его бегать вокруг Викисимы. Опять этот оранжевый блеск в глазах.

— Но учитель, Авитус...

— Да?

— Почему такое наказание?

— А ты хочешь что-то похуже, Либрус? — тон начинал становиться громче. — Ты точно хочешь это обсудить? Так быстро забыл, как плохо ты написал тест? Это предварительный. Он стоял над мальчиком, тот склонил голову. Пальцы начали царапать ладонь.

— Сиди молча и изучай параграф. Его мы уже изучили один раз, изучишь и второй. Чем быстрее сдашь, тем быстрее разберёмся с этим.

Учитель вернул Либрусу учебник, и тот открыл его на нужной странице. Он начал читать параграф и вспоминать, что же он лучше всего запомнил. Через какое-то время, которое шло бесконечно, учитель спросил Либруса, и тот начал рассказывать. Рассказал худо, но...

— Всё-таки что-то выучил.

После этих слов Либрусу показалось, что учитель смягчился.

— Что же. Объявляю урок закрытым. Можешь расслабиться на один хор до тренировки, — Авитус уже говорил спокойно.

— Мы... так же будем заниматься до конца вечера? — спросил Либрус.

Но учитель не ответил. Только выдохнул негромко.

— Иди прогуляйся. Разговорами потом займёмся. — Отвернулся учитель и начал что-то писать.

«Опять... Он не хочет даже на этот вопрос ответить». Закатив глаза, Либрус пошёл к выходу из парка. «Сколько можно? Когда он стал таким...»

Либрус дошёл до ворот и позади услышал крик. Женский. Обернулся и увидел, как двое стражей, в таких же платках на всё лицо, как и прежде, такие же худые, уводят кричащую тощую облезлую серо-бледную девушку. Она кричит. Кричит со злостью и извивается. Но, несмотря на худоватость стражей, они почти не дёрнулись.

Он оказал небольшой интерес, но его больше волновал учитель Авитус. К тому же Кантор не объявляется. Мальчик не стал далеко уходить от парка. Не было настроения у него куда-то идти. Он сел на отдельную поляну. Через некоторое время к нему подошёл кто-то сзади. Мальчик услышал и обернулся. К неожиданности Либруса, это был учитель. «Что опять?»

— Ещё же... рано.

— Да. Я знаю, — спокойно сказал Авитус и сел на колени рядом. — Сейчас я хочу тебе кое о чём рассказать, пока ты отдыхаешь. Для начала я хочу, чтобы ты на меня не обижался за то, как я тебя наказываю. Ты мальчик сообразительный, но тебе не хватает дисциплины. Во-вторых... — учитель остановился и серьёзно посмотрел на мальчика. Как будто он обдумывал, нужно ли Либрусу что-либо говорить.

— Помнишь, ты спросил про ту девушку, которая... по слухам... обращалась с душами так, что они чуть ли не погибали?

Либрус кивнул.

— Либрус, то, что я тебе сейчас расскажу, должно остаться между нами. Понял?

Либрус кивнул и исподлобья глянул на учителя. Он был совершенно спокоен, что тоже было редкостью. Обычно с Либрусом он разговаривал хотя бы с улыбкой.

— Я знал ту персону. Её звали Пасифика. Она была... моим учителем, строгим учителем. Сначала она работала в Аду над очищением душ, потом стала наставником. Её методы очищения были опасны, но эффективны. Она как будто... имела страсть к этому, работала и

изучала. Но она не доводила души до состояния полусмерти. Я сам это видел и... Наставник — так же она была очень строгая. И там её методы слишком выделялись из других общепринятых в Викисиме. И да, давно, 34... викисимских лет назад, её выгнали из Викисимы... Или она сама ушла, это я до сих пор не выяснил. Но виновные в этом есть. И те слухи были распушены, я думаю, специально, чтобы затмить её заслуги, — добавил он со злобой и твёрдостью в голосе. — Были распушены теми, кому она помешала. Кто её не любил. Но я не верю в это.

Либрус молчал и слушал.

— Перед уходом она мне передала один талисман. Чуть позже я тебе его покажу. На одной из тренировок. Сейчас не могу, — добавил он, спокойно поведя взглядом по немногочисленным викисимцам, находящимся в парке.

— Однажды в Викисиму прибыло несколько душ. Их не получалось очистить. Они бежали из Ада и устроили погром по всей Викисиме. Пасифика смогла их остановить как раз при помощи того талисмана. Как? Неизвестно. Но она была невероятной. Очень близка к поражению, она смогла выстоять. Талисман я изучаю. И ещё кое-что... — учитель промедлил с продолжением. — Все эти боевые тренировки — они для того, чтобы рано или поздно я передал его тебе, Либрус. Они для того, чтобы укрепить в тебе характер, силу воли, дисциплину... И твою ауру.

Слова учителя зацепили внимание мальчика.

— И когда ты опаздываешь или не знаешь ответа на очевидный вопрос по теме, перебиваешь меня... это начинает всё больше расстраивать, — опять холод. — Ты единственный, кому я могу доверить то, что доверила мне мой учитель. И у тебя есть потенциал, есть характер, хоть и не закалённый... — он задумался. — Думаю... Нам пора взять это в руки, — сказал он тихо. Но послышался какой-то посторонний голос.

«Или мне показалось...» — подумал мальчик.

— Что вы сказали? — переспросил он.

Авитус встал и посмотрел на него сверху.

— Пошли.

— Куда?

— На тренировку.

— Но ведь отдых ещё не кончился.

— Я знаю. Пока поделаешь дыхание.

Либрус начал вставать. Грустно как-то.

— Либрус, живее.

Либрус поторопился. «Да когда это кончится?»

— Либрус! Сделай нормальный выпад! Я сказал — нормальный выпад! А затем поворот!

Либрус получил шестом по ягодице. Тренировка проходила ужасно. Тело болело от исправлений учителя: он делал это при помощи шеста. Что-то неправильно...

— Ай, больно! — мальчик получил по пояснице.

— Боль, если она нас не убивает, то делает сильнее. Ты должен это понять. Это не так больно, как получить ранение от врага. Скажи мне, как ты будешь отбиваться с такой техникой?

Либрус сам переставал верить, что он сделает что-то лучше. Он решил немного сгладить обстановку, пошутить.

— Ну, может, повезёт, — чуть улыбнулся. Но на учителе ничего не проглядывалось. Как будто он стал ещё более серьёзным. Учитель слышно забрал воздух носом и чуть наклонился к нему.

— Слабые надеются на удачу, сильные надеются на себя. Ещё раз я такое услышу, стойку всадника будешь полтренировки осваивать.

«От кого я буду отбиваться?» — спросить вслух он не решился.

В его лице не проглядывалось ничего, что Либрус помнил: ни какой-то шутливости, ни какой-то доброты. Одна злоба и суровость, которые Либрус никогда не замечал.

— Тренировка окончена, — сказал через некоторое время учитель.

Либрус свалился.

— Следующая тренировка, Либрус, послезавтра. И не забывай к тесту готовиться.

— Хорошо, — подавленно сказал мальчик.

Он чуть обернулся, но учителя уже нигде не было. «Даже не попрощался...» Мальчик встал и стоял с опущенной головой некоторое время. Его переполняли разные эмоции, но ни одной положительной. Он пошёл домой, обжёвывая разные мысли в голове: «Урок был ужасен... Тренировка была ужасна... Учитель изменился... Чудовища... Я его подвожу... Я настолько плох? Но он сказал, что во мне есть потенциал. Ученик... Как мне быть ещё лучше? Кантора нигде нет...» С этим грузом он доплёлся до вивы. Прошёл через весь зал с учениками так, будто никого в зале и не было. Ни на кого не смотрел, никого не видел. Кантор... Может, он всё-таки в комнате? Поднявшись, он постучался. Ещё. Затем ещё. Ещё раз. Никого.

Подойдя к комнате Фолиола, он так же постучался. Так же никто не открыл.

Подойдя к своей комнате, он обнаружил, что дверь была приоткрыта. Обычно Либрус её закрывает, хоть и не на замок. «И кто же это мог быть? Может, Кантор? Но его комната опять закрыта». Либрус зашёл, ничего не пропало. Кому нужно было заходить в его комнату? Он увидел на столе какую-то фигурку из бумаги и рядом — записку.

«Это заяц. Он должен быть пушистым, как ты. Фолиола»

Либрус улыбнулся, и в его груди что-то начало летать. В нём появилось настроение и мотивация. Он решился и сел за домашнее задание. Сидя за уроками, Либрус всё что-то читал, проговаривал вслух, делал какие-то записи, но тело гудит и спитя прямо за столом. Материал трудно заходит в голову. Ещё труднее ему было этот материал запомнить. Хотя бы они не тренировались весь вечер, как пригрозил учитель. Он заметил, что с домашним заданием он задержался до поздней ночи. Давно пора спать. Он поставил бумажного зайца на столе перед собой, лёг и уснул.

На следующий день мальчик хоть и смог встать с кровати вовремя, но не выспался. Засиделся. Либрус думал зайти снова к Кантору, но сил хватило только спуститься вниз и пойти к учителю.

— Я смотрю, ты что-то изучил, Либрус. Верно. Далее душа сохраняет форму за счёт плотной концентрации газа вокруг точки концентрации...

Либрусу хоть немного, но понравилась похвала Авитуса.

Уроки прошли не так скучно, некоторый материал Либрус всё-таки начал понимать. Начал понимать, почему души бессмертны и откуда они появляются. Оказывается, души бессмертны из-за своей газообразности, которая также держит форму, и все новые души появляются в Поднебесной. И учитель был спокоен, что немного успокоило и Либруса.

После урока мальчик спросил:

— Учитель Авитус... А сегодня... можно с вами погулять?

— Нет, Либрус. У меня ещё дела, и вряд ли я смогу гулять с тобой в ближайшие дни. Я думаю, ты можешь воспользоваться этим временем, чтобы к тесту подготовиться.

— Хорошо, — сказал с грустью.

Мальчик не стал спрашивать, что за дела такие. Ответ уже не удивлял. Скорее расстраивал. «Что у него с рукой? Или мне показалось... Она как-то... Темнее», — подумал Либрус, вспомнив, что весь урок Авитус скрывал всё ту же правую руку в тоге, изредка открывая, чтобы быстро перевернуть страницу в учебнике.

По пути он, как обычно, не встретил Кантора ни в холле, ни по дороге до комнаты друга и до своей комнаты. «Что же, пусть тогда сам меня ищет. Надоело». Либрус только уселся за

стол, как услышал, что дверь немного скрипнула, и он повернулся. Как будто по желанию, к нему в комнату заглянул Кантор.

— Кантор, — оживился мальчик. — Ты где ходишь всё время?

Кантор выглядел мрачновато. Его лицо было покрыто грустной серьёзностью, и смотрел он на Либруса немного исподлобья, нервно дыша. Либрус успел заметить у него в руке тот шар, который он видел у друга в комнате. Тот всё так же блестел синим цветом. Кантор припрятал руку за спину.

— Ты опять занят, да? — как-то мрачно ответил он вопросом на вопрос. Очень необычно для весёлого Кантора.

— Я — нет, пока. Только сел за стол, и ты вот зашёл, — ответил Либрус, но уже не так радостно. — Что случилось, Кантор?

— Я... Ну... Всё время ты занят... — начал мямлить Кантор, глядя в сторону. Его голос звучал не так звонко, как обычно. — Вот я увидел, как ты вернулся. Захотел зайти.

— Да я только что вернулся...

— Хорошо провёл время? — перебил Кантор с грустью, но начала слышаться твёрдость.

— Ну-у... — ответил Либрус с небольшим непониманием. — Слушай, я везде тебя...

— Прекрасно, — с тем же тоном перебил его друг. — Конечно, прекрасно. С ним тебе ведь лучше... И с ней тоже. Даже намного лучше. — Кантор приподнял глаза на Либруса.

— Что... С кем? — мальчик вошёл в непонимание.

— С учителем твоим. С твоим Авитусом и... с Фолионой. Тебе ведь с ними хорошо, — тон Кантора стал грубее. — Гуляете. Обсуждаете разные интересные темы. — Неловко дёрнул рукой. — Целый день вместе проводите. Я видел. Наблюдал.

— Я... — пальцы начали царапать ладонь.

— А на Кантора-то всё равно, наверное, — перебил он уже на повышенном тоне. — Он посидит там, пообсуждает с другими что-нибудь. А с кем, с другими-то? Кому рассказывать? Кто слушать-то будет? Некому... Я... Мне некому... Да что уж там, плевать, он подождёт. Кто такой Кантор вообще? Всего лишь какой-то помешанный мечтатель. В нём ничего особенного...

— Кантор... — мысли начали сбиваться в кашу. Рот дёргается, но слов нет.

— Не Кантор... — у друга начал потрясываться подбородок. — Думал, сходим вместе, исследуем, я... тебе бы кое-что показал. Но ты не пришёл. Я долго ждал. Даже когда твоя тренировка должна была закончиться, я ждал. Ты не пришёл. Зачем тебе вообще теперь это случилось? Лучше с Фолионой погулять, пообщаться. Она ведь не станет... Она занудой не будет. С ней всё хорошо у тебя, — его глаза начали влажно блестеть.

— Я... Я же...

Нависло молчание. Либрус не мог поверить в то, что ему говорит друг. Будто врасплох застали. Либрус боялся пошевелиться. Вина начала его наполнять. На глазах Кантора начали потихоньку появляться слёзы. Они грустно блестели. Как будто блестели чем-то синим.

— Я... — хотел продолжить Либрус.

Тут Канторе резко повернулся и вышел из комнаты. Либрус встал со стула и побежал за ним. Он шёл к лестнице.

— Кантор!

Тот не обернулся и продолжил резкий шаг с опущенной головой. Либрус не знал, что ему сказать. Они прошли мимо нескольких недоумевающих учеников.

— Кантор, стой! — но мысли не собирались.

Они уже на лестнице. Миновали проход на следующий этаж. Начали приближаться к комнате друга.

— Кантор, да постой ты. Кантор...

Кантор заперся у себя. Либрус упёрся в дверь. «Да что же это...» Он не знал, что ему сказать. Вина его наполнила. Он постоял какое-то время, сжимая и разжимая руки. Постучался.

— Кантор, открой... Ну открой же. Ну поговорим... ну... — он нервничал.

Ответа не поступало. «Да что же это такое...»

— Ну открой...

— Иди со своей Фолиолой гуляй! — послышался звонкий крик изнутри. Либруса это застало врасплох. Ему захотелось ответить.

— С Фолиолой... Да... Ну и ладно! Хочешь один сидеть? Сиди! Я и слова тебе не скажу! — сказал Либрус с нескрываемым раздражением. Послышалось, будто что-то бросили в дверь.

Он отвернулся от двери. Но повернулся снова и пнул ногой. Боль отдала в палец. Рыкнул и быстро захромал прочь от неё. «Возомнил себе... Не пришёл я к нему, видите ли. Искать не пробовал, наверное, ещё думает... Думает, что ему так плохо. Не его ведь заставили вокруг Викисимы бегать без продыху. Тренировки, уроки, прогулки... прогулки...» Либрус остановился перед лестницей. «Я ведь сам хотел гулять с ней... Он прав, мы давно не проводили время вместе. И когда мы последний раз что-то делали... Месяц назад, вроде... Действительно давно. Я почти всё время с учителем. Но учитель сам меня задерживает на уроках, на тренировках. Он тоже как будто сам не свой. И Фолиола...» Либрус задумчиво опустил голову. «И всё-таки что на него нашло? Так резко вдруг на меня набросился. Такие глупости ещё говорить начал! Ну ладно... Пусть сидит там! Ещё чего захотел он... Как же бесит!» Злоба вернулась. Либрус топнул ногой и пошёл дальше.

Придя в свою комнату, он резко завалился в кровать, закрылся полностью одеялом и не высовывался до следующего утра.

— Я бы вернулась вновь туда... Где вспомню детство без труда... — пел женский голос.

Был слышен скрежет по стеклу.

— Ты плохо поёшь. Тебе... Недостает... Не знаю... Недостает... АААА... Таланта... Мне не нравится. — скрипел голос.

— Какой ты грубый, Арган. Согласись? — спросил женский голос, перестав петь. — Вообще-то...

— АААА... Не называй меня так! — скрипел громче голос, перебив. — А ты... Тебе ведь тоже не нравится... Почему ты молчишь? Я же вижу тебя... Сидишь так, будто... будто...

— Не имеет значения. — Прорычал третий голос. — Просто не имеет никакого значения.

— Ты опять там смыслы всякие теряешь? — скрипел голос.

Молчание.

— Тебя никто не слушает. — перебил женский голос.

— Захотела по-паясничать? — грубо в ответ проскрипел.

— Скорее... Захотела, чтобы ты это понял. — ответил женский голос, усмехнувшись.
— Хотя, куда тебе?

Прозвучал громкий скрежет обо что-то железное.

— Аро... Не нужно злиться, они же... просто... им скучно...

— А ты её выгородить решил?

— Извини...

Громкий выдох.

— Фурор, дружище. Как ты?

Вздых.

— Никак... — тихо прорычал в ответ.

— Что на душе?

— Сейчас не время...

— Не время... Сколько времени... Да, времени у нас много, — продолжал бормотать скрипучий голос. — Вечность, хах. Вечность и не больше. Ха-ха-ха.

Молчание.

— О! Отиос... Может, сегодня. Который день его уже спрашиваю. Отиос! — крикнул через тьму. — Ты там? Я вижу тебя. Я вижу твои глаза. Как ты там? Что? Не слышу. Ха-ха. Подойди поближе. — Был слышен смех и скрежет по стеклу.

— Замолчи, — прорычал голос.

— Ладно... Ладно... Ребят, простите... Хах. Мне просто... Так хорошо. Мы здесь с вами. А они там, снаружи. Носятся, как угорелые. Да?

— Ха-ха, да... — поддакнул третий голос.

— Просто... Никого здесь... Никого здесь... — выдохнул. — Кроме вас... Кроме нас... Кроме меня... Меня! Да вы и не представляете, как мне хорошо. И это всё мне.

Молчание.

— Извините...

Молчание.

— Как ты там... пела? А? Все ушли... Но мы с тобой...

Женский голос подпевает.

— Доброй связаны судьбою...

И прозвенела тишина.

— Либрус, что у тебя с лицом? — спросил Авитус.

Либрус поднял глаза и осознал, что половина урока уже прошла.

— В каком смысле?

— Оно... в негодовании, — спокойно заметил учитель.

— Нет... Ничего, извините, — Либрус смутился и отвёл взгляд.

Учитель опустил учебник.

— Чему я точно рад, так это тому, что с остальным ты хоть врать не учишься.

В ответ молчание. Выдохнул носом.

— Расскажи мне.

— Что? — Либрус приподнял взгляд.

— Я хочу знать, что у тебя случилось, — спокойно продолжал Авитус. — Совсем не часто можно увидеть тебя в таком виде, будто изгоняют из Викисимы. Пока ты в таком состоянии, обучать тебя чему-то будет ещё сложнее.

Либрус замялся. Ногти начали царапать ладонь. «Записка... Кантор... Записка...»

— Я... поссорился с Кантором, — не взглянув на учителя, сказал мальчик.

— И всё?

— Сильно поссорился, — добавил Либрус.

— Не слышал, чтобы вы с ним когда-нибудь ссорились. Сильно ссорились... Что произошло?

Либрус не спешил отвечать. Он боялся того, как отреагирует учитель, если ему рассказать точно то, что сказал Кантор. «Записка...»

— Я... Ну... Мы с ним очень мало гуляем, общаемся. Он очень сильно обиделся, — Либрус глянул в глаза учителю, заметил, что они вроде спокойны, и осмелел. — Зашёл вчера ко мне в комнату спустя долгое время и сказал, что... мне на него плевать. Вообще меня бесит он теперь.

— Бесит из-за того, что он сказал? — мягко спросил учитель.

— Да. И вообще, заперся в своей комнате и не открывал. Пусть там и сидит, — хмуро сказал Либрус.

— Хм, — выдохнул Авитус. — Мне бы ваши проблемы... Злиться на него не стоит, Либрус. Когда кто-то злой или грустный, он может наговорить много лишнего. Ты бы хотел с ним помириться?

Либрус хмуро буркнул что-то утвердительное.

— Ну так сходи и помирись, — немного строго сказал учитель.

— Ещё чего. Пусть сам подходит. Наговорил чепухи, и ещё я должен идти к нему.

— Либрус, суть дружбы в том, чтобы поддержать в трудную минуту. Чтобы быть снисходительнее к тем, кто тебе дорог, если и ты дорог для них.

Либрус приподнял глаза на Авитуса.

— Доброта, Либрус, и понимание спасают дружбу. И сейчас я бы не советовал тебе ими пренебрегать. Не стыдно пойти первым на встречу к тому, кто нуждается в тебе. Вы с Кантором одного поля ягоды. И почти во всех случаях согласны друг с другом.

— Но... Учитель, я не знаю, с чего начать, — произнёс немного расстроено мальчик.

— С извинений, Либрус. Извинения — это то, что делает большую часть работы. Но только когда есть и твоя вина. А она здесь есть. Понимаешь?

— Да.

— Пойдёшь и помирись с ним.

— Да, — Либрус неожиданно встал и было начал уходить. — Ой... Извините. Урок же. Мальчик покраснел, а учитель, кажется, немного улыбнулся.

— Какой ты молодец, Либрус. Да, урок. Рад, что ты об этом всё-таки помнишь. Кстати, тест перенесём на завтра: не всё ещё готово. Тренировку мне придётся сегодня отменить. Воспользуйся этим временем разумно.

— Хорошо, учитель, — с небольшой виноватостью ответил Либрус.

— Мы продолжаем. Душа, созданная в Поднебесной, создаётся сразу в сосуде...

Учитель был явно спокойным. Но Либрус всё-таки снова успел заметить, что руку он всё ещё прячет в тогу.

Либрус дождался окончания урока. Ещё раз обдумав ситуацию и слова учителя в голове, он сделал вывод, что его вина явно немаленькая. С одной стороны, Кантор немного не так понял, с другой стороны, он по большей части прав.

Дойдя до вивы, он надеялся, что всё-таки встретит Кантора в большом главном зале, но надежда не оправдалась, и он решил идти напрямик к его комнате. Дверь была снова заперта. Либрус стоял перед ней, но побаивался стучаться.

«Надо извиниться и объясниться... А вдруг у него ещё не закончились уроки? Ну, если не закончились, постучу и уйду. А если закончились, то поговорим. Вдруг он опять не захочет разговаривать...»

Он стоял какое-то время в размышлениях. Мимо него редко проходили другие ученики и ученицы, но в основном в коридоре было тихо. В белом коридоре с полосой красного ковра лениво светили свечи в промежутках между дверьми комнат. В конце коридора было окно, которое проливало свет синего неба на ковёр. Тишина и стоящий в ней мальчик, не смеющий сдвинуться с места, не смеющий сделать какое-либо действие.

«Почему так... С урока сбегая, не боясь, а тут...»

И тут Либрус вспомнил бумажного зайца, которого подарила ему Фолиола. Его будто осенило: «Мне было приятно, когда она его подарила... Но её сейчас точно нет в амбаре».

Он пошёл в свою комнату. Он увидел зайчика Фолиола и начал его изучать. Аккуратно, изгиб за изгибом, разбирая его, он понял принцип и начал собирать своего. У него получился не такой аккуратный. Но своим результатом он был очень доволен: «Сделаю ещё тогда учителю».

Он стоял перед дверью Кантора, держа зайчика. Либрус резко выдохнул и постучался. В ответ ни шороха. Либрус постучался ещё раз — ничего. Он решил приложить ухо к двери — не слышно звуков. «Может, всё-таки на уроках задерживается... Или сходить поискать... Так, стоп...»

— Кантор, я тебя услышал.

Снова постучался, никакой реакции.

— Кантор, ну открой, я тебе хочу всё рассказать. — Нет реакции, и он продолжил, но замялся: — Ладно, Кантор... Начну здесь... Раз ты так хочешь.

Что-то не давало ему сказать заветное слово. «Ну же... Надо сказать. Я должен. Он мой друг».

— Кантор... Прости меня... За то, что мы с тобой стали мало общаться. Но, честно тебе говорю, я тебя искал, заходил к тебе... Но ты спал... Потом я снова стучался, но ты не открывал... Прости меня... Пожалуйста.

Речь Либруса прервали какие-то неспешные шорохи, которые он услышал через дверь внутри комнаты. Дверь медленно и чуть-чуть отперлась. На Либруса через щель уставились в очках ярко-зелёные глаза. Больше не было того грустного синего блеска, но они выглядели неуверенно.

— Видимо, я прогуливался. Я не слышал, чтобы кто-то ко мне стучал, — немного задумчиво сказал Кантор.

— И... Да, тогда я забыл, что мы должны были встретиться, и гулял с Фолиолай. Прости меня, пожалуйста. Я... не знаю, как это объяснить. Ну и вот как-то не получалось у меня тебя найти потом, — продолжил Либрус.

— Она тебе нравится? — с хитрой ухмылкой придвинулся неожиданно Кантор.

— Эм... Да...

— Е-хе-хе, сладкая парочка.

Либрус вспомнил про зайчика.

— Это тебе, — резко он выговорил, но с надеждой. — Это...

— Это заяц, — глаза Кантора чуть расширились, и он спустя несколько мгновений начал улыбаться. — Выглядит здорово.

Кантор взял его двумя руками аккуратно и начал рассматривать внимательно со всех сторон.

— Это очень здорово!

Либрус начал чувствовать себя увереннее и более радостно.

— Ещё, сам знаешь, тренировки, тест скоро у меня. Учитель хотел бы, чтобы я был готов. Он очень строг в последнее время. И ещё он заставил меня бегать два круга вокруг Викисимы.

— Два круга? — Кантор раскрыл глаза ещё.

— Да... Без продыху, между прочим! — добавил Либрус немного упрекающе.

Кантор слушал, разинув рот.

— А ты точно должен сейчас быть здесь, а не на кладбище? — усмехнулся Кантор, продолжая удивляться.

— Ну...

— Ни слова больше, дорогой друг, — перебил его Кантор. — Я принимаю твои извинения, — он немного замешкался. — Слушай, и ты меня прости, что налетел на тебя. Мне сильно почему-то грустно стало, и я хотел тебе выговориться. Последнее время я какой-то... Как-то чувствую себя неважно, что ли. Мне было не с кем пообщаться...

Либрус вспомнил учителя и положил другу руку на плечо.

— Я здесь, друг мой, — сказал, улыбнувшись. — И не хочу больше с тобой ссориться.

— Я тоже не хочу больше с тобой ссориться, дружище. — Его зелёные глаза посмотрели через очки ясно и радостно.

— Я, кстати, тоже хотел тебе показать кое-что. Заходи. — Кантор затащил его за руку и захлопнул дверь.

Обойдя Либруса, он начал рыться в кровати, скинув одеяло на пол.

— Смотри, что добыл.

И вот он, тот самый шарик с голубым засохшим потрескавшимся лепестком. Кантор поднёс чуть ближе, и Либрус начал видеть синий цвет на нём, и почувствовал какое-то расслабление.

— Ты тогда это хотел показать? — спросил Либрус, смотря с большим интересом и небольшим подозрением.

— Нет, тогда я хотел показать тебе место, откуда я это достал. Там таких полно и... —

Кантор осёкся.

— И?

— И я расскажу кое-что, когда мы тудаходим, — сказал чуть весело Кантор. — Я хочу тебе показать то место.

— Что это такое? От него что-то исходит или мне кажется...

— Тебе не кажется, Либрус. Я тоже это чувствую, и это приятно. А что это такое, я пока не понял. Не успел... изучить.

— Как насчёт встретиться сегодня во столько же? — сразу подхватил тему Либрус.

— Да, сер. На это я согласен. Но давай сместим время чуть позже, так скажем, на 30 делений. В остальном условия те же. Больше или меньше одного — даже не приходите.

Мальчики посмеялись.

— Как скажете, сер. Но ты на меня больше не злишься?

— Нет, друг. Не злюсь. Мне, наоборот, стыдно за то «выступление», которое я устроил. Не знаю, почему так, — виновато сказал Кантор.

— Всё хорошо. Я тоже не злюсь на тебя. Пойдём погуляем, мне надоело к тесту готовиться уже.

— О, пошли. Я хотел зайти в библиотеку, книгу взять.

Закопав шарик обратно в постель, мальчики вышли из комнаты. Выйдя на улицу, они ощутили ясную погоду и свежий воздух. Они шли меж белых аккуратных домов, общаясь, смеясь, шутя друг про друга. Казалось бы, давно у них с Кантором даже обычной совместной прогулки не было. Либбусу стало легче. Наконец, с другом снова хорошо общаются.

Пройдя несколько переулков, они вышли на просторную площадь, в центре которой стоял постамент, а на нём — две мужские фигуры из того же белого камня, из которого сделаны дома в Викисиме. Одна фигура стояла боком, выпустив одну руку перед собой, а другую положив на плечо соседней статуи, которая стояла, укутав руки в рукава тоги. «Криацио и Интерит — те, благодаря которым Викисима существует и по сей день», — прочитал Либбус на постаменте филигранно отбитые буквы.

Лавки с разными развлечениями. Они появились буквально недавно. Какие-то викисимцы подсмотрели у людей, а какие-то сами придумали. Где-то нужно было кидать мячик в разные цели, чтобы выиграть для себя что-то, где-то нужно было на скорость проделывать какие-то действия. У людей за это надо что-то отдавать взамен, а в Викисиме не нужно было. Либбус ещё ни разу не пробовал во что-либо поиграть.

Но любованье мальчиков лавками перебили выкрики какого-то Викисимца, выдававшего какие-то бумажные свёртки. Газеты. «Что на самом деле происходит в Викисиме? Из-за чего происходят тряски и почернения. Мнение экспертов», — кричал Викисимец. Либбус уже слышал об этом.

— Кантор, о каких трясках он говорит?

— Как ты мог не слышать? В некоторых частях Викисимы происходят тряски время от времени. Бывают и такие, что викисимцы не могут на ногах устоять.

— Мне кажется, я ощутил одну из них несколько дней назад.

— Говорят, это связано с каналами: что они ослабили основание Викисимы. А кто-то говорит, что это из-за изменения климата, — Кантор начал загибать пальцы, — или из-за того, что ад переполнен; или в лаборатории какие-то тёмные эксперименты происходят; или заговоры кто-то читает; или Заветы проводят какие-то работы, но никому не говорят... Много теорий, но по-настоящему никто не знает. Но Заветы говорят, что всё под контролем и над этим работают.

— А ты видел эти почернения? — спросил Либрус.

— Да, пару раз мне встречались. От них исходило что-то непонятное. Как будто засосать хотят. Но их же стражи убирают.

Либрус рассказал ту ситуацию в переулке с двумя викисимцами и почернением на стене. На Кантора, судя по реакции, это навело жути.

— Ну они какие-то бледные, бывают прям вообще мрачные. Глаза у них пустые. А чуть что спросишь, то какое-нибудь оскорбление отвесят. А тебе они даже не ответили. Тоже странная штука. Вот мы и пришли.

Либрус, слушая Кантора, не заметил, как они оказались перед высокими остроконечными башнями, соединёнными между собой переходами на разных этажах, с высокими узкими окнами из разноцветной мозаики. Зайдя, он сразу увидел длинную стойку, за которой сидят несколько викисимцев, делающих какие-то записи. Но кто-то просто сидел скучал, а кто-то читал. За их спинами возвышались высокие и длинные стеллажи книг. На торцах стеллажей висело по одному портрету, всего было шесть. На одном из них был нарисован худой лысоватый мужчина с многочисленными морщинами на лице, и было написано: «Хиларис Транкуил. Новые Заветы». Либрус узнал это лицо. «Тот старик в переулке, с которым я общался... Оказывается, он из Новых Заветов», — проскочила мысль. Подняв голову выше, мальчик увидел на стенах и потолке многочисленные и разнообразные рисунки и узоры в виде цветов в облаках.

— День добрый! — сказал Кантор, когда они подошли к одному из библиотекарей. — Можно мне книгу «Теории созидания и разрушения»?

В ответ, поздоровавшись, библиотекарь быстро исчез между стеллажей.

— Зачем тебе эта книга? — спокойно спросил Либрус.

— Хочу побольше узнать о творцах. Отчасти нынешняя ситуация во мне пробудила интерес. Но ещё мне учитель рассказал очень интересную вещь. Наши создатели были совершенно разные по ауре, и в основе Викисимы лежит аура Криацио — это аура созидания; и аура Интерита — это аура разрушения. Интерит заложил большую часть в чистилище очищения, ад, вот почему там очищают души через разрушение её оболочки; а Криацио — в чистилище восстановления, ты знаешь, там оболочки душ восстанавливаются в чистом виде и отправляются...

Но на середине рассказа Либрус отвлёкся на высокий дверной проём, через который просвечивалась часть какого-то широкого зала, в котором стояло не меньше сотни столов и мягких диванчиков с подушками. Очень напоминало главный зал в Виве, но намного больше. Его это поразило. В библиотеке он бывал очень редко.

— Спасибо большое! — через задумчивость услышал звонкий голос Кантора. — Пойдём обратно, Либрус. Мне пора бы уже засесть к тесту подготовиться, я много времени что-то потерял. Но я бы ещё долго гулял.

— Согласен с тобой, — немного негодуя, ответил Либрус. — Мне тоже надо к тесту подготовиться. Это очень скучно.

— Поддерживаю, — важно сказал Кантор.

Но опять, проходя обратный путь по площади, они заметили лавки с разными развлечениями и зависли перед одной из них.

— Бли-ин! — сказал Кантор. — Хочу я всё-таки попробовать!

— А давай попробуем! — Либрус сказал с поднимающимся энтузиазмом.

— Надо же готовиться... — Кантор начал немного мяться, но было видно, что сдерживается он с трудом.

— Да успеешь ты!

Последние слова Либруса сразу перебили неуверенность Кантора, и они мигом пошли сначала к той лавке. Возможно, удивительно, но около лавок скапливались не только дети, но и взрослые викисимцы. Все были не прочь поиграть в игры, которые предоставляют хозяева этих лавок.

В первой игре нужно было соревноваться с соперником. При подходе очереди друзей обладатель начал объяснять правила:

— Добро пожаловать, ребята! Итак, видите вон те корзины перед каждым из вас?

На расстоянии перед каждым игроком выставлялись небольшие корзинки в несколько рядов, каждый чуть выше следующего.

— Три ряда по четыре корзинки. Цифры, написанные на корзинах, — это очки. Суть проста: если набрал больше очков, чем соперник, то выиграл.

Либрус и Кантор начали ухмыляться друг другу.

— Я вам даю по десять вот таких тканевых мячиков. Игра не на время, но если закончил быстрее, тебе прибавляются дополнительные пять очков. Честной игры, ребята! Приготовились! Три. Два. Один.

Либрус, не думая, начал пытаться набрасывать мячи в корзины. Первый — нижняя корзина, четыре очка. За ним сразу второй — корзина повыше, шестнадцать. Третий — промах. Четвёртый — попал снова в одну из нижних, шесть. Рядом бегал хозяин лавки, по возможности подбиравший промахи, пытаясь не мешать игре. Пятый перелетел. Шестой — по каёмке корзины и мимо. Седьмой — так же. Восьмой залетел в одну из верхних, двадцать четыре. Либрус воспрял. Девятый — между корзин. Десятым он решил прицелиться — попал в нижнюю, восемь.

Либрус закончил. Кантор кидал только девятый мяч, который залетел в среднюю, шестнадцать. Последний — в среднюю, четырнадцать.

— Ничего себе! Две средних! — удивился Либрус.

— А то! — сказал Кантор, подняв руки, показывая бицепс.

Либрус скорчил лицо.

— Итак! — объявил владелец. — Мальчик справа, — это был Либрус, — сверяемся! 58 очков. К тому же он закончил быстрее, а это ещё плюс 5. 63 очка, дорогие друзья.

— Эй! У тебя много! — возразил Кантор.

Либрус поверил в свою победу и заулыбался.

— Мальчик слева. Сверяемся, — Владелец начал считать. — Для интриги считаем вслух. Я видел, ты попал в одну верхнюю. 22. Эм... И всё. Дальше — 14. А это у нас 36. Дальше плюс 16 — это 52. Он близко. Плюс 6 — это 58. Плюс 4 — 62. Ого! — Кантор сейчас воспламенится. Для Либруса этот счёт стал мукой. Владелец начал проверять по корзинам. — И, кажется, всё.

Либрус выдохнул и начал лыбиться, как не свой. Кантор опускает руки.

— А нет. У нас тут скрытник. Плюс два! 64 очка...

— ДА! — Кантор вскинул руки.

— Чего?! — опустил руки Либрус.

— Побеждает парень в очках слева! Вот это да! Молодцы!

— Как так?! — не мог поверить Либрус. — Переигрываем!

— Ха-ха! Я выиграл! Это просто НЕЙМОВЕРНО!

— Переигрываем!

— А давай!

— Ха-ха. Нет-нет, ребятки, — вмешался владелец. — Чтобы переиграть, вам нужно снова встать в конец очереди. Таковы правила.

Либрус обречённо повернулся и заметил очередь из шести викисимцев, которые наблюдают, улыбаясь. Кто-то хихикнул.

— В следующей игре я тебя выиграю, — Либрус не выдержал и чуть начал улыбаться, глядя на ликующую физиономию Кантора.

— А давай!

— Удачи вам, ребятки! Добро пожаловать! А! Вы по второму? Почему нет? Ха-ха...

— Ты с два очка я вообще попал как-то случайно. Я хотел в 14, но мячик отскочил, и я подумал: «Ну всё, промах, но нет». Он заскочил прямо в 2! Промахнулся я, конечно, тоже много. А если бы ты не успел раньше меня закончить? Хе, ты бы и так проиграл, — Кантор, видимо, был полон эмоций, которые он выдавал в этой речи. — Но я думал, что я проиграл. У тебя ведь было много очков. Но получается, мы почти на равне.

— Да, думал, что я выиграл, блин! — не удержался Либрус. — У меня два мячика прокатились вот прям вот по краешку корзинки. Прям вот столько. Хотя бы один залетел бы, я бы выиграл. Я тебя выиграю! Ты понимаешь, выиграю?

— А вот и нет! — весело отрицал Кантор.

— Выиграю! Вот сейчас посмотрим, — Либрус не удержался и тоже начал улыбаться.

— Вот посмотрим!

Мальчики начали выбирать следующую лавку с играми. Либрус, высмотрев что-то интересное, повёл Кантора к лавке. Стоя в очереди, они дружно спорили, обсуждая предыдущую игру.

Их очередь подошла. Перед ними стояло два достаточно больших стола. Если на них лечь, то, кажется, можно растянуться в полный рост, и то место останется. На каждом из них были небольшие перегородки по периметру.

— Добрый день! В первый раз? — спросил владелец.

— Да, — дружно ответили мальчики.

— Подходите к незанятому столу и вставайте по разные стороны. Отлично. И так. Вот вам по одной рукоятке.

Он дал мальчикам деревянные рукоятки. У каждой рукоятки нижняя сторона плоская и залеплена тканью. Из стола со стороны Кантора он что-то достал и спрятал за спину. Подошёл к Либрусу и представил два кулака.

— В какой руке?

Либрус показал на правую. Не угадал. В левой лежала какая-то небольшая глянцевая, плоская, круглая дощечка.

— И так, перед вами очень гладкая, отполированная, скользкая поверхность, по которой эта дощечка катается. На ваших сторонах находятся ворота с мешочками. Нужно лишь загнать эту фишку в ворота соперника семь раз рукоятками, которые находятся у вас в руках. Кто быстрее наберёт семь очков, тот выиграл. Никакой игры голыми руками. Только рукоятками. Всё понятно?

— Да, — дружно ответили.

— Так как ты не угадал, начинает игрок справа, — он положил дощечку на поле перед Кантором. — Честной игры! Начинайте.

Мальчики начали активную борьбу. Высчитывали, набирали очки. Несколько раз фишка вылетала за пределы поля. Кантор был близок к поражению, но... Он всё-таки проиграл и вышел из игры со счётом три и семь в пользу Либруса. Теперь очередь Либруса ликовать. Для него это оказалось даже проще.

— Ты несколько раз рукой поля касался! — начал быстро возражать Кантор.

— Нет! Я выиграл честно. Ты даже несколько раз сам себе забил! — Мальчик посмеялся. — А тот манёвр всё-таки сработал. Ты повёл руку в другую сторону. Но первый ты забил классно. Я даже фишки не заметил.

— Да я просто отвлёкся. Что-то солнцем блеснуло. Тебе бы в глаз посветили. Я беру реванш! Пора решить, кто сильнейший! — стойко заявил.

Либрусу не хотелось портить вкус победы. А вдруг проиграет?

— Думаешь, ты меня выиграешь? Я разыгрался, — с улыбкой сказал мальчик.

— Вот и увидим!

— А давай! — теперь заявил Либрус.

Мальчики снова начали выглядывать интересную игру. Многого из того, что они высмотрели, они не знали. Вернее, вообще ничего. Высматривали долго. Обоих бороли незнание в увиденных играх и неуверенность в выигрыше. И, кажется, Кантор решил идти наугад.

— Вон та лавка. Там почти никого нет.

Когда мальчики подошли к лавке, то увидели перед собой небольшой бассейн, в котором плавали облака, а на облаках плавали какие-то небольшие плюшевые игрушки с какими-то колечками.

— Добрый день, мальчишки! — поприветствовал старый викисимец.

— Здравствуйте! Мы бы хотели поиграть, — протараторил Кантор.

— Играйте на здоровье! Знаете, как?

— Не совсем понимаем.

— Вот палочка с тонкой длинной нитью на конце и крючком. Видите, те штучки плавают? Это рыбками называется. На них есть колечки, и надо крючком зацепить колечки, чтобы поймать рыбку.

— И кто больше наберёт, тот и победил?

Викисимец усмехнулся:

— Не обязательно, конечно. Это так... Чтобы дети развлекались. Но можете включить соревновательный дух и попробовать. Почему нет? Одобряю. По использованию всё понятно?

— Да, — дружно ответили мальчики.

— Тогда развлекайтесь.

Викисимец отошёл к креслу и сел.

— Значит, так, — начал Кантор. — Кто больше наберёт рыбок, тот и победил сегодняшнюю... битву.

— Но тут много рыбок. А крючки с колечками не такие большие. Мы долго будем их ловить.

— В таком случае... Хм... Давай на время. Кто больше наберёт рыбок за 10 делений, тот и победит. А?

— А давай! — ответил Либрус, взяв себе вторую палочку, и встал на противоположной стороне бассейна.

— На счёт три. Раз. Два. Три.

Либрус начал водить крючком между рыбок. Вот первая жертва. Начинает преследование. Крючок не хочет поворачиваться в сторону колечка. Ещё немного. Отвёл. Снова подвёл крючок. «Давай же!» Зацепил. Первая рыбка. Положил около себя. Теперь очередь второй. Та, что поближе. Закинул крючок и начал вести. Он снова отвернулся. Быстро перебросил.

Либрус так увлёкся процессом, что не обращал внимания на Кантора. Всё время кажется, что вот-вот конец. А выловил всего четыре рыбки. Почти под конец Либрус глянул на действия Кантора. «Так. Кажется, у него тоже не очень хорошо получается. Крючок совсем не цепляется. Хоть бы у него не больше моего. Это не так просто. Я-то четыре еле-еле достал. Всё-таки не думаю, что у него больше».

— Ко-нец! Либрус, всё! — звонко сказал Кантор.

«Пять рыбок. Хороший результат!»

— У меня пять рыбок, — как-то победно заявил Либрус.

Кантор глянул около себя и снова на Либрус с широкой улыбкой.

— У меня семь! Я выиграл! Я выиграл! — начал кричать Кантор, чуть срываясь.

— Да как?! У меня еле получалось их ловить!

— У меня как-то две подряд получилось. Только закидывал — уже на крючке. Блин! Я выиграл!

Кантор так был рад победе, что начал вскидывать наловленные рыбки вверх.

— Вот потом я тебя обязательно выиграю! — заявил Либрус, скорчив лицо.

— Да. Тебе придётся постараться, — так же радостно ответил друг.

— Вот постараюсь. Два раза подряд без форы будет.

— Ха-ха. Боюсь. Знаешь, это было очень весело. У меня никогда такого не было.

— Соглашусь, Кантор. У меня тоже. Давай на днях ещё сюда ходим.

— А давай! Мы тут много времени пробыли. Нам же к нашим тестам готовиться надо.

— Точно. Я забыл даже про него. Ха. Пойдём, давай.

Так и ушли, оставив рыбок и палочки около бассейна. Несмотря на шум, старик спал в тени. Всю дорогу до Вивы они общались, обсуждали день, игры, эмоции. Разошлись на лестнице между этажами, напомнив друг другу о плане, который должен был исполниться в тот же вечер. Но они всё-таки договорились встретиться около Вивы.

Придя в комнату, Либрус сел за стол. Ему не хотелось учить домашнее задание, но учитель будет зол. Но его отчего-то резко потянуло в сон. День был насыщенный. Он, обессиленный, свалился на кровать.

— Знаешь... — рычал голос. — Замечал я, что не думать очень сложно.

Молчание продлилось недолго.

— Да... — проскрипел голос в ответ. — Да. Поэтому я пытаюсь думать очень много. Поэтому вас здесь... задолбываю своими разговорами.

Красное свечение чуть вспыхнуло.

— Ты чего? — скрипнул вопросительно голос.

— Я... — несильно громкий стук, будто что-то упало. — Я устал... — рыкнул он.

— Да. Я тоже. Ты не виноват. — Скрипучий голос чуть посмеялся. — Никто из нас здесь не виноват. — Он продолжал чуть тихо смеяться. — Они... виноваты.

Голос утонул в тишине.

Красное свечение ещё продолжалось, но потихоньку пошло на спад.

Сквозь сон, с прыжком с водопада, Либрус ощутил, как его кто-то толкает в бок. Открывая глаза в полудрёме, он задался вопросом: кто же такой наглый? Это был Кантор.

— Я тебя жду-жду. А он спит тут, оказывается. Время выдвигаться, а мы тут с вами, рядовой! — прошёптал Кантор, швыряя слова в друга, продолжая тыкать рукой в бок.

— Да я... готов, — поступил полусонный ответ.

— Ну слушай, действительно готов, если не считать, что ты лежишь в кровати без тоги.

Либрус осмотрелся. Действительно, тога валялась на полу. «Когда я успел её снять?»

— Так и будем здесь прохлаждаться? — наигранно серьёзно спросил Кантор.

— Да, друг. Сейчас соберусь.

— Вот то-то же.

Либрус встал, навернул тогу и немного запутался в ней. Вывернулся и передел. Теперь села как надо. За окном солнце село уже за горизонт, полутьма.

— Всё, пойдём, — сказал Либрус.

— Больше ничего не возьмёшь? — спросил Кантор.

На Либрусе была только тога. Как обычно, в принципе.

— А что ещё нужно?

— Ну... Да, наверное, пока ничего больше не надо. Тогда по коням.

— По коням?

— Ну так говорят там снизу.

Они вышли за дверь. Либрус её прикрыл, и они пошли вдоль коридора.

— Эх, когда к тебе поднимался, народу было уже не так много. Сейчас ещё через смотрящего пробираться. Если бы ты не проспал, мы бы уже ушли спокойно. А я ещё додумался, блин, за тобой по дороге вниз не зайти. Сразу пошёл сумку взять к учителю. Да и всё равно

бы пришлось подниматься. Пока ходил, думал, ты уже выйдешь к главной двери, — шёл и причитал Кантор.

— Зачем тебе сумка? — Либрус заметил у Кантора небольшой мешочек на поясе.

— Там мел. Он нам пригодится там, куда мы сейчас идём. Ну и ещё немного всякого.

Они спустились по лестнице в главный зал. Перед ними предстал пустой и просторный зал с множеством диванчиков и несколькими столами. В самом конце зала была главная дверь, которую уже запирали Пакс.

— Блин, не успели. Эти правила дурацкие... Так хотя бы вышли. Сейчас просто сядем пока на диванчик, как будто пришли посидеть, затем пойдём через другой ход, — проговорил Кантор шёпотом.

— Какой другой?

— Покажу, когда он уйдёт.

Они уселись на один из диванов. Смотрящий закрыл дверь на все необходимые замки и пошёл через весь зал мимо стульев и кресел.

— Кантор, время уже позднее. Вы чего тут? — весело спросил смотрящий. — Привет, Либрус.

Это был низкий, с короткими тёмными волосами викисимец. Ещё и сутулится. Тога на нём смотрелась так, будто он одеяло на себя намотал. На лице проглядывались морщины. Голос звучал достаточно молодо, чего по виду не скажешь.

— Привет, Пакс. Тут очень тихо сейчас. Так хорошо посидеть в большом, к тому же пустом зале. Мы тоже сейчас отправимся спать, — бодро начал Кантор.

Либрус в поддержку помотал головой.

— Да, соглашусь. Здесь и правда здорово. С вами посижу, что ли, поболтаю.

Пакс чуть было начал присаживаться, как Кантор, немного спотыкаясь, выговорил:

— Нам с Либрусом надо пару личных вещей обсудить. Кое-что вот прям очень важное. Здесь для нас очень подходящее место... Тут... классные диваны... и как раз все ушли.

— А... Ладно... Ладно, мальчуганы, тогда пойду чего-нибудь почитаю, — неуверенно проговорил смотрящий.

— Вы тут это... долго не засиживайтесь. А то... К вам приду общаться, и не успеете вы ничего важного обсудить. Правила помните, — посмеялся Пакс, разворачиваясь.

Его сутулое низкое тело начало удаляться в сторону лестницы. Он начал подниматься, его уже не было видно, но шаги ещё были слышны.

— Кажется, ушёл, — сказал Кантор шёпотом, когда шаги стихли. Он встал с дивана и на цыпочках побежал посмотреть на лестницу. Глядит Кантор и вслушивается. Повернул голову к Либрусу, кивнул утвердительно и так же тихо пошёл обратно.

— Значит, так, — проговорил Кантор сосредоточенно.

— Ты уверен, Кантор? — спросил с сомнением Либрус.

Либрус начал царапать ладонь. «Вдруг поймают. А вдруг накажут. Учитель не одобрит, и тогда наказание будет ещё хуже».

— Уверен, — ответил Кантор и увидел в лице Либруса то самое сомнение.

— Ты чего? Боишься? Да я это уже несколько раз проделывал, меня никто не видел. Тебе понравится.

— Я не знаю...

— Ты же от учителя не боишься сбежать. А тут чего-то забоялся. Это почти то же самое?

«И правда... Чего это я, в самом деле... Но тут же я не от учителя сбегаю... Но...»

— Да нас никто не заметит. Я тебе обещаю, — прервал размышления Кантор уверенным голосом.

— Хорошо, — спустя небольшое молчание ответил Либрус.

— Так держать, друг. И так...

Кантора прервал звук шагов на лестнице. Кто-то спускается.

— Всё. Прячемся, — быстро шёпотом сказал друг.

Они залезли за диван. В холл заглянула голова Пакса. Затем и само тело. Он зачем-то пошёл через весь холл к главной двери. «Кажется, что-то забыл». Сердцебиение участилось. Руки начали немного трястись. Около двери были слышны какие-то шуршания и постукивания. Затем он прошёл весь путь обратно и остановился около лестницы, обернулся.

— Всё. Ушли, детишки.

Какой-то щелчок, и все свечи потухли. В зале стало темно, и лишь лунный свет пробивался сквозь высокие окна. Шаги стали затухать где-то на лестнице, и опять тишина. Либрус немного выдохнул.

— И так, — начал Кантор шёпотом. — Мы будем выбираться через окно на первом этаже во втором коридоре.

— Но все окна по ночам заговорены.

— Знаю. У меня есть... «отговорка».

— Оговорка?

— Да. Противоположный заговор. Вроде работает. Она у меня так же в сумке.

— Вроде работает?

— Да. Это вроде как от силы заговора зависит. Вчера почему-то не сработала.

— И что ты сделал?

— Пришлось взламывать. Я перед ночью кладу ленточку, на всякий случай. Кладу её в задвижку и ею отодвигаю потом. Заговоры здесь запрещают лишь руками открывать окна. Но это занимает больше времени, так как окно становится от заговора тяжелее.

— И ты успел?

— Да.

— А откуда у тебя «отговорка»?

— Я как-то раз у учителя её подслушал. Мы проводим занятия в одной школе, и дверь нужного кабинета часто закрывают. И этой «отговоркой» он её открывает, вот я и решил её подслушать.

— А мы на воздухе с учителем занимаемся, — сказал Либрус.

— Да... Знаю... А у меня какой-то «профессор». Чаще скучновато... Мы с ним не особо часто общаемся. В основном об уроках только. Он весь занятой, работает в лаборатории какой-то. Проведёт урок, да уйдёт. — Либрус заметил, что Кантор опустил голову и устался в пол.

Он вспомнил и своего учителя, который в последнее время тоже не так уж охотно с ним общается.

— Да уж... — как-то тоже грустновато протянул Либрус.

— Но иногда бывает разнообразно. Он, бывает, проводит занятия в школе, в каком-то ещё учебном здании, в библиотеке, в музее, даже в лечебнице. Кстати, в музее было интересно, — добавил Кантор как-то бодрее. — Ты знал, что однажды Викисиму почти всю разрушили аномалии? Это был первый случай, когда город... да и вся Небесная система оказалась в большой опасности. Стражи рая смогли их сдержать спустя долгое время, как эти аномалии сбежали из ада.

Либрус вспомнил разговор с учителем.

- Не знал.

— Их было пять. Одна из них была девушка, не помню, как её зовут. Она была их зачинщиком. Но четверых получилось остановить, а эта девушка смогла сбежать. Очень долго они её пытались поймать, пока в конечном итоге она не ушла на Землю и там не сгинула. Вроде её звали Морса.

— Так ведь это та, которая... О которой был слух, что она обращалась плохо с душами, и за это её изгнали.

— Да, точно. Видимо, она трудилась в Аду, затем сговорилась с душами-аномалиями, и они устроили погром, в котором проиграли. Затем началось преследование, и она сгинула на Земле.

У Либруса не складывалось в голове. «Слова учителя...» Совсем другое. Но он не мог сказать Кантору об этом. Продолжать беседу он не стал. Нависло молчание. Кантор вдруг пристал и выглянул из-за дивана, за которым они прятались.

- А здесь классно ночью.

Либрус тоже выглянул и увидел, как белый свет от Луны заходит в разноцветные окна зала, ложится на глянцевые столы и отражается от стен. В холле было достаточно светло. Они ещё некоторое время полюбовались. Кантор вслушивался в звуки и заглядывался на лестницу и в коридоры около неё.

— Всё, пойдём. Кажется, Пакс уже сделал обход.

Они вышли из-за укрытия. На цыпочках они прокрались пару метров, как снова услышали шаги с лестницы. Дух снова захватило.

— Да ёлки-палки. Залезай, — раздражённо сказал Кантор.

Это снова Пакс спустился в главный зал. «А если заметит... Что мы скажем...» Он прошёл в середину зала и огляделся. Видимо, выбрал подходящий диван и пошёл к нему. Лёг, ноги на мягкий подлокотник, — и не шевелится. Кантор постучал по плечу друга и жестом сказал потихоньку двигаться. Они, пригнувшись, прошли несколько диванов, услышали шевеление и остановились. Пакс, видимо, потянулся. Кантор продолжил движение, Либрус — за ним. Вдоль зала — за диванами, под столом. И вот она — главная лестница, а за ней — три коридора, длинных, с редко светящимися на стенах свечами. Второй коридор находился прямо за лестницей, что было на руку. Пакс не заметит. Они снова услышали какой-то звук и остановились. «Только не вставай. Только не вставай». Пакс храпнул. Ещё раз храпнул. Друзья выдохнули и продолжили путь. Наконец они проходят мимо обширной главной лестницы.

— Здесь осторожно, — предупредил Кантор шёпотом, указывая на выступающие перила.
— Не зацепись.

Действительно, железные перила изобиловали разными узорчатыми элементами и были тёмными. Но сейчас их более-менее видно. Они зашли за лестницу.

— Полдела сделано, — приободрил Кантор.

Они тихим шагом, но уже побыстрее, шли к окну в конце коридора. Когда они дошли, перед ними было окно и горизонтальный небольшой коридор, соединяющий остальные все три больших. На левой и на правой стороне также были окна. А на концах этого коридора были ещё одни лестницы, но поменьше. По ним также можно подняться на необходимый этаж. Они подошли ближе к окну, немного прислушались. Кантор раскрыл свой небольшой мешочек на поясе и достал записку. Он прикоснулся к окну четырьмя пальцами и начал читать что-то непонятное. Это заняло несколько секунд. Кантор опустил руку и попытался поднять окно. Не поддалось.

— Нет. Давай ещё раз, — сказал он себе.

Кантор снова поднял руку, прочёл. Не поддалось.

— Кажется, они сменили сложность заговора. Я...

— Щ-щ, — перебил Кантора Либрус, — не так громко.

— Извини, — Кантор виновато вжал голову в плечи. — Они сменили сложность. Придётся взламывать.

Он снова поковырялся в мешочке и достал иголку. Провёл ею по задвижке окна и достал кончик красной ленты. Потянул — и она стала длиннее.

— С тобой будет быстрее. Она коротковата. Я возьму ленточку ближе к окну, ты возьмишь подальше, и вместе поднимаем до фиксации, — объяснил Кантор.

Либрус взял ленточку, сжал в одной руке — больше места не хватало. Она была гладкой. Кантор также взял одной рукой.

— Готов?

— Да.

— Давай.

Они начали поднимать окно. Оно было действительно тяжёлым, особенно когда поднимаешь гладкой ленточкой.

Вдруг Кантор резко дёрнул чуть вверх — она начала выскользывать, и, не успев её зафиксировать, она вышла из руки Либруса. Кантор не смог удержать окно. Громкий стук. Обернулись. Дыхание замерло. Слышно шевеление из главного зала. «Всё-таки спал он некрепко», — промелькнуло тревожное у Либруса в голове. Слышны шаги, становящиеся громче. Блёклая тень. Кантор быстро иглой запихал ленточку обратно в задвижку и, словно единый организм, они спрятались за правый угол.

Пакс стоял перед коридорами и решил пойти в первый справа. Он шёл умеренно, осматривая двери. Друзья перекатились за другой угол в средний коридор. Пакс дошёл до конца правого, третьего, коридора, до самого окна, немного осмотрел его. Посмотрел на правую лестницу, чуть-чуть поднялся и начал осматривать верх.

Тем временем Либрус заметил лицо Кантора, искажённое в смеси страха и задумчивости, смотрящее на ковёр перед средним окном. Он посмотрел туда же и увидел лежащую «отговорку». Сердце забилось очень быстро, будто душа уходит в пятки. Кантор выглянул из-за угла. Смотрящий всё ещё был отвернут лицом к правой лестнице.

- Нет. Не надо. — прошипел Либрус.

Кантор, не услышав, всем своим пухлым тельцем решил сделать выпад к «отговорке». У него получилось, но на обратном коротком пути он со звуком уткнулся головой в свечу, которая висела на углу. Кантор успел зайти за угол, пока Пакс не обернулся на звук. «Погасла», — с паникой подумал Либрус. Он нащупал за спиной ручку двери чужой комнаты, немного

приоткрыл, заглянул. Послышались быстрые шаги. Либрус затащил Кантора и смог закрыть дверь беззвучно. Шаги резко стихли рядом с углом, где они стояли, где погасла свеча. В комнате мирно спал какой-то ученик. «И зачем мы так прячемся... И что сказать... Если бы не правила Вивы... После захода за созвездие Лира спать уже должны. Раньше же таких правил не было». Челюсть напряглась. Ноги тряслись.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме сопа из кровати. Пакс, видимо, притаился.

— Чего не спим? — послышался его шёпот и удаляющиеся шаги по коридору.

— Я проснулся и не могу уснуть, — послышался совсем детский голос.

«Первый этаж же для вновь прибывших», — вспомнил сразу Либрус.

— А ты, значит, плохо стараешься. Иди ещё раз попробуй, — как-то с шуткой сказал

Пакс.

— Я не хочу.

— Ну что ж ты? Иди давай. Правила помнишь? Все должны быть в кроватке после Лира.

— Но я не могу.

Короткое молчание.

— Эх, ну что с тобой делать... Завтра у тебя есть уроки?

— Один.

— Хочешь прогуляться? Со мной Виву осмотришь.

— Давай, — ответил детский голос немного радостно.

— Только после этого ты сразу спать. Обещай.

Послышалось какое-то утвердительное «угу». И удаляющиеся шаги с еле слышимыми разговорами. Мальчики выглянули. В коридоре никого не было.

— Быстро! — сорвался Кантор, и Либрус — за ним.

Он снова иголкой достал ленточку. Взялись за неё так же, но Либрус держал так крепко, как мог.

— Только не дёргай, — предупредил шёпотом Либрус.

— Угу. Раз. Два. Три. Взяли.

Либрус натужился. Окно начало поддаваться. Сейчас полегче, чем в прошлый раз. Поднимается выше и выше. Кантор поставил фиксацию, палочку, и начал неуклюже, но быстро вылазить. Затем Либрус. Слезая, он чуть задел фиксирующую палку. Слез, и Кантор перекинул ленточку. Оба друга взялись, Кантор убрал палочку. И оба натужились и тихонько опустили окно.

Оперлись к стене спиной и сползли по ней, выдыхая.

— Ты заметил, Либрус? Почему с тобой планы плохо работают? — шутливо спросил Кантор. Либрус ткнул его в бок, но улыбнулся. Ему не нашлось, что ответить. Ещё короткое время они сидели и дышали свежим воздухом.

— Смотри, — сказал Кантор, указывая пальцем в небо.

Над головами открылся массив звёзд разных цветов. Одни яркие, другие бледные. Одни спокойно светятся, другие моргают. И ещё...

— Они как будто плывут, — любясь, сказал мальчик.

— Они не плывут. Город плывёт. Он не висит на месте. Ты не замечал?

— Нет, — задумался Либрус.

Луны не было видно, она освещала верхушки зданий с другой стороны.

— Всё, пойдём, — встал Кантор. — Нам ещё возвращаться.

Мальчики активно стали пробираться к стене противоположного домика через дорогу. Они шли, петляя разными переулками. Где-то были зажжены уличные свечи, освещавшие какую-нибудь улицу почти целиком.

Они ждали и перебегали. «Смотрящих на улице ещё не попадалось. Ушли что ли все?» — подумал Либрус. Вот они прошли мимо библиотеки. Две белые, соединённые между собой остrokонечные башни при лунном свете выглядели очень контрастно на фоне тёмного звёздного неба.

Вот они оказались в нужном переулке. Либрусу показался он знакомым.

— Я же здесь в тоннель тогда залез, — осознал он.

— Так ты этот люк открыл? — от неожиданности спросил Кантор.

— Да.

— Ничего себе! — он задумался. — Странно.

— Почему?

— Ну... Потому что я здесь обычно забираюсь.

Кантор попробовал открыть руками, но люк не поддался. Либрус решил ему помочь, но безуспешно.

— Он открывался.

— Верю. Но сейчас он заговорен.

Кантор начал рыться в мешочке и вытащил ту же самую «отговорку», но перевернул её. На другой стороне было неаккуратно написано ещё два заговора.

— Разве здесь не тот же самый случай, как с окном?

— Нет. Здесь посерьёзнее. Каналы заговаривают викисимцы с большим опытом в таком деле. И такие заговоры держат в тайне. Но... — Кантор хитро посмотрел на Либруса. — Я также смог подслушать. Правда, не одна ночь у меня ушла на это. Но вот он, мой драгоценный кусочек. И буквально недавно у меня получилось открыть этот люк — очень много сил требует. — Помотал он уверенно обрывком с заговорами.

— Сколько раз ты уже здесь был? — удивлённо спросил Либрус.

— Ну... Здесь я раз третий. А там, на другой люк, я ходил где-то не меньше десяти, наверное... Так, прошу не отвлекать, сер. Я тут, вообще-то, за успешность миссии отвечаю, — важно снова помахал обрывком Кантор.

Либрус скорчил гримасу. «Какой другой люк?» Либрус пока не стал задавать вопрос. Кантор прикоснулся к люку четырьмя пальцами и начал читать по бумажке. Как учитель в тот день. Только заговор звучал немного по-другому. Он закончил читать.

— И что это значит?

— Не знаю. Я на слух определял и писал по звукам. Так, теперь давай попробуем сдвинуть.

Они взяли с обеих сторон за круглый люк и оттащили в сторону.

— О! Получилось. Они не стали менять заговор. Что тоже странно, — радостно сказал Кантор и начал слазить в тоннель. Либрус — за ним.

Они спустились. Перед их глазами предстало два тоннеля. В тоннелях было достаточно темно, но всё-таки что-то было. Стены как будто слабо просвечивались.

— Пойдём туда, — сказал Кантор, указав на левый тоннель.

— А закрывать мы его не будем?

— Нет. Я его не закрываю, — Кантор сделал немного смущённую гримасу. — Я не знаю заговора закрытия. Поэтому выбрал этот люк. Он в переулке, за всякими стенами. Никто и не догадается. Пошли давай.

Кантор уверенно вёл по тоннелям, приглядываясь к стенам. Либрус тоже пригляделся и увидел небольшие, еле заметные пометки из царапин и мела. Петляли они по тоннелям не так долго.

— Здесь дальше не пройти, — утвердил Либрус, увидев тупик.

— А нам дальше и не нужно.

Кантор снова полез в мешочек и достал оттуда бумажный свёрток побольше. Развернул его — и он оказался размером с тетрадный лист. На нём был какой-то рисунок: круг, который соединяется в некоторых местах ромбиками, а где-то прерывается полукругами. Внутри круга была окружность поменьше. Эти рисунки напомнили мальчикам стражей, их платки на головах. Рисунки схожи.

— А это ещё что? — недоуменно спросил Либрус.

— Это, друг мой, наша дверь. Этот рисунок мне надо нарисовать на определённом месте на стене. То есть тут, — Кантор показал на стену. — И снова прочесть заговор. Он должен был сегодня не приходиться. Поэтому, надеюсь, всё получится без суеты.

— Кто он? — спросил Либрус.

— Потом объясню... Что-то я немного устал. Заговоры забирают много энергии. Ух, а теперь дай мне время, — сказал Кантор и начал вычерчивать мелом рисунок.

Либрус не знал, сколько времени прошло, но по ощущениям — долго. Если бы он видел небо, то определил бы. В Викисиме этому учат всех: определять время по небу, по созвездиям, по положению Солнца и Луны.

- Готово. Рисунок окончен.

Кантор перевернул листок и начал водить по рисунку, по кругу, двумя пальцами — медленно, зачитывая какой-то текст. Он закончил читать, как только сделал пальцами один круг. Рисунок начал светиться и принялся немного крутиться вокруг своей оси — всё быстрее. Ромбики отделились от окружности и начали пересекать её насквозь так быстро, что почти не было видно. Постепенно они начали оставлять в стене царапины, через которые всё лучше становилось видно какую-то комнату.

Либрус отшатнулся. Он не понимал, что ему делать. Взгляд пытался уследить за всем рисунком сразу. Круг начал расширяться, и размер царапин, проделываемых ромбиками, тоже увеличился. И вот уже всё видно: какая-то небольшая комната с несколькими столами.

Ромбики начали исчезать, пересекая линию окружности. Они на высокой скорости вылетали и рвали её, исчезая за пределами. После того как все они вылетели, окружность распалась в разные стороны, как будто разбилась.

Перед мальчиками была теперь дыра в каменной стене. Её рваные края колыхались, как на лёгком ветерку. Словно это уже была не каменная стена.

— Ого! — поразился Либрус.

— Да. Согласен. Давай, заходим, — запыхавшись, сказал Кантор. Он облокотился на стену.

— С тобой всё хорошо?

— Да. Просто сегодня я прочитал на один заговор больше. Причём серьёзный такой. Открытие люка. Видимо, из-за того, что заговор на закрытие был прочтён недавно, он забрал намного больше сил. А эта дыра — так вообще отдельный разговор. Она и в первый раз немало сил забрала. Я тут немного откис тогда. Не ожидал, что так будет. Сегодня я чуть-чуть подготовился, собрался с силами. Техники дыхания, однако, помогают — на концентрацию.

— Ты знаешь техники на концентрацию?

— Да. Меня учитель научил. Говорит, мол, чтобы держать тело в тонусе и всё такое — меньше уставать. Я как-то несерьёзно относился поначалу. Но что-то мне взбрело тогда воспользоваться техникой, когда я без сил тут валялся. Представляешь, помогло. Чувствовал себя полегче. Всё, Либрус. Заходим.

Кантор буквально завалился в дыру в стене. От его тела пошли небольшие волны, как от воды. И вот он уже машет Либрусу на другой стороне. Либрус колеблется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.